

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 1, 2003

**Учредитель – Кубанский
государственный университет**

**Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год**

Зарегистрирован Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, регистрационное свидетельство Р2829 от 16.03.99

Главный редактор Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

- Т. А. Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У))
Л. А. Арутюнян, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ)
В. А. Бабешко, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ)
А. А. Бодалев, д-р психол. наук, проф., академик РАО
А. А. Гаврилов, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ)
С. Деллер, PhD, проф. (университет Висконсин – Мэдисон, США)
В. В. Знаков, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН)
Я. Л. Коломинский, д-р психол. наук, проф. (Белорусская Академия образования)
Л. Е. Лаптева, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН)
Е. В. Морозова, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГУ)
Х. Пилкингтон, PhD, проф. (Бирмингемский университет, Великобритания)
А. Л. Стризов, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ)
П. М. Хакуз, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ)
А. Ю. Чирг, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований)
В. К. Шаповалов, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ)
В. Ю. Шпак, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ)
Е. Р. Ярская-Смирнова, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ)

Редакционная коллегия:

- О. А. Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.;
Г. С. Курбатова, отв. секретарь; Т. Т. Авдеева, д-р экон. наук., проф.;
А. М. Ждановский, канд. ист. наук, доц.; А. А. Лузаков, канд. психол. наук, доц.;
З. И. Рябикина, д-р психол. наук, проф.; В. М. Юрченко, д-р филос. наук, проф.

Дизайн художников М. Н. Марченко, С. Г. Ажгихина. Оригинал-макет Г. А. Литвяковой

Адрес редакции

350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, комн. 404-н. Тел. (8612) 69-95-63, 69-95-64

Подписано в печать 12.05.03. Уч.-изд. л. 10,5. Усл. печ. л. 10,4. Тираж 600 экз. Заказ № 215
Кубанский государственный университет 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Типография Кубанского госуниверситета 350023 г. Краснодар, ул. Октябрьская, 25

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА	3
----------------------------	---

МИР ЧЕЛОВЕКА

<i>Кукосян О.Г.</i> К юбилею А. А. Бодалева	5
<i>Бодалев А.А.</i> В.Н. Мясищев о личности и отношениях (к 110-летию со дня рождения)	10

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА

<i>Лаптева Л.Е.</i> Об исследовании институтов традиционного самоуправления.....	22
<i>Филиппов Ю.В., Пенюгалова А.В.</i> Информационная база местных сообществ: методика составления и анализа.....	33

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

<i>Шпак В.Ю., Коломийцев А.А.</i> Ресурсы политического лидерства в современной России	52
<i>Куценко А.Г.</i> Макс Вебер о смысле политической конкуренции.....	73

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

<i>Романов П.В.</i> Управление социальными сервисами: теория и практика.....	100
---	-----

Петрова А.А.

Социология Интернета: формирование дисциплинарного
дискурса..... 129

КАФЕДРА

Самаркина И.В.

Дистанционное обучение: взгляд изнутри... 151

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Баранов А.В.

«Выборы в России и российский выбор». III Всероссийский
конгресс политологов..... 169

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

Авторы статей первого номера журнала 2003 г. представляют и учредителя журнала – Кубанский государственный университет, и его постоянных академических партнеров – Институт государства и права РАН, Институт социологии РАН, МГИМО (У) МИД РФ, Ростовский госуниверситет, Саратовский государственный технологический университет.

Л. Е. Лаптева рассматривает институты традиционного самоуправления в спектре различных парадигм юридической антропологии. Исследование социальной жизни незападных цивилизаций сталкивается с рядом трудно-разрешимых методологических проблем, и позицию правового плюрализма в данном случае автор считает наиболее оправданной.

Статья наших постоянных авторов Ю. В. Филиппова и А. В. Пенюгаловой ставит в центр внимания местную статистику и ее роль в принятии обоснованных решений в управлении местными сообществами.

Преемственность поколений в науке отражена в рубрике «Мир человека». Академик РАО А. А. Бодалев предлагает вниманию читателя статью, посвященную 110-летию классика мировой и российской психологии В.Н. Мясищева, а самого автора поздравляют с юбилеем его ученики, составившие костяк психологической школы в КубГУ.

В. Ю. Шпак и А. А. Коломийцев исследуют важнейшую проблему политического менеджмента – ресурсы политического лидерства. В статье А. Г. Куценко рассматривается элитистская концепция М. Вебера, трактовка им ключевых понятий социологии политики срав-

нивается с доктринами классического либерализма и марксизма.

А. А. Петрова проделала скрупулезный анализ дисциплинарного дискурса социологии Интернета; изучение этого нового бурно развивающегося научного направления содержит богатые методологические импликации.

Особенностям менеджерского труда в области социальной работы посвящена статья П. В. Романова, подготовленная, что важно, по материалам этнографического исследования социальных сервисов.

И. В. Самаркина делится опытом своего участия в проекте дистанционного обучения и анализирует психолого-педагогические проблемы, с которыми сталкиваются как преподаватели, так и обучаемые.

Редколлегия

К ЮБИЛЕЮ А. А. БОДАЛЕВА

МИР ЧЕЛОВЕКА

К ЮБИЛЕЮ

А. А. БОДАЛЕВА

О. Г. Кукосян

В. Н. МЯСИЩЕВ

ОЛИЧНОСТИ

И ОТНОШЕНИЯХ

(К 110-ЛЕТИЮ

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

А. А. Бодалёв

Бодалёву Алексею Александровичу, академику Академии образования России, Международной академии наук высшей школы, Международной академии психологических наук, доктору психологических наук, профессору исполняется 80 лет.

У психологов Кубани к юбилюру особое отношение, поэтому это событие для нас – большой праздник, повод для высказывания в адрес юбиляра не просто поздравлений и добрых пожеланий, а благодарности за огромную помощь в становлении психологической науки на Кубани.

Особое наше отношение к Алексею Александровичу стало складываться тридцать с лишним лет тому назад, когда после смерти декана факультета психологии Ленинградского госуниверситета Б. Г. Ананьева факультет возглавил его любимый ученик А. А. Бодалёв.

В том же году при поддержке Алексея Александровича в Кубанском государственном университете была организована первая на Кубани психологическая служба, через два года ставшая самостоятельной межфакультетской кафедрой психологии. В связи с тем, что в это время А. А. Бодалёв возглавил новое научное направление – познание людьми друг друга, под его руководством коллектив кафедры начал исследования по социальной перцепции и

по проблемам психологической службы. Результатом этой целенаправленной работы стало проведение на базе Кубанского госуниверситета I и II Всесоюзной конференции по проблемам познания людьми друг друга (1975 и 1979 гг.). В работе конференции приняли участие более трёхсот психологов страны во главе с президентом Общества психологов Б. Ф. Ломовым. Участниками второй конференции стали ведущие учёные страны из 15 союзных республик. Под руководством А. А. Бодалёва были опубликованы материалы обеих конференций.

После II Всесоюзной конференции коллектив кафедры психологии КубГУ начал издавать межвузовский сборник научных статей по проблемам социальной перцепции и психологической службы. В состав редколлегии входили психологи из Ленинграда, Москвы, Киева, Ростова-Дону и других городов. Ответственным редактором сборника был юбиляр. До конца 1980-х гг. вышел в свет ряд сборников.

Развал Советского Союза внес изменения в нашу совместную работу. В это время в Кубанском государственном университете был открыт специальный факультет по переподготовке кадров. Мы начали готовить из числа учителей школ психологов-практиков, что позволило в дальнейшем в каждой школе организовать психологические службы. В скором времени было организовано психологическое отделение факультета управления, увеличено число кафедр психологии, обеспечивающих подготовку высококвалифицированных кадров по психологии.

Организация спецфакультета, преобразовавшегося в дальнейшем в институт, положило начало дополнительному образованию взрослых. В эти же годы Алексей Александрович вел исследования по проблемам акмеологии. Результаты этих исследований были внедрены в

практику работы Института повышения квалификации и переподготовки кадров, слушателями которого стали взрослые люди. Одновременно начали издавать сборник научных статей по проблемам психологии личности, в которых регулярно публиковались статьи Алексея Александровича.

А. А. Бодалев оказывал помощь и в подготовке научных кадров Кубани. Он часто был официальным оппонентом, руководителем диссертационных исследований, писал отзывы на авторефераты, участвуя таким образом в работе диссертационного совета по защитам, организованным при университете. Алексей Александрович – член редколлегии издаваемого в КубГУ журнала «Человек. Сообщество. Управление».

От всей души поздравляем Алексея Александровича с 80-летием. Желаем здоровья, долгих и долгих лет жизни, новых творческих успехов и выражаем надежду на дальнейшую совместную работу.

По поручению психологов Кубани

почетный председатель Краснодарского отделения
Российского психологического общества,
доктор психологических наук, профессор
О. Г. Кукосян

В.Н. МЯСИЩЕВ О ЛИЧНОСТИ И ОТНОШЕНИЯХ (К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

А. А. Бодалев

11 июля 2003 г. исполняется 110 лет со дня рождения выдающегося отечественного психолога, психоневролога и психотерапевта Владимира Николаевича Мясищева. Ученик В. М. Бехтерева и А. Ф. Лазурского В. Н. Мясищев был одним из лидеров в разработке проблемы личности в России. Созданная им концепция личности и ее отношений по своему значению для понимания феноменологии, закономерностей и механизмов психики человека не уступает общепсихологической концепции деятельности М. Я. Басова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, теории установки Д. Н. Узнадзе, культурно-исторической теории Л. С. Выготского, учению об интегральной индивидуальности В. С. Мерлина, онтопсихологии и акмеологии как новых направлений научного познания человека, четко прописанных на теоретическом и экспериментальном уровнях в нашем человековедении Б. Г. Ананьевым. Как показывает современная практика психотерапии, «психология отношений» В. Н. Мясищева, вобравшая в себя и новаторски обогатившая подход А. Ф. Лазурского к человеку как к неповторимой индивидуальности, в течение последних десятилетий служит надежной теоретической основой успешного избавления людей от неврозов и психосоматических расстройств.

Не затрагивая научно-медицинского, и подвижнически милосердного личного вклада В. Н. Мясищева в практическое человековедение (будучи студентом, он начал работать медбратом в одной из психиатрических

клиник Санкт-Петербурга, и затем все годы, включая и те (1933–1960), когда он возглавлял Психоневрологический институт им. В. Н. Бехтерева, он как психотерапевт-практик возвращал психическое здоровье невротикам), я дальше ставлю перед собой задачу раскрыть лишь то новое, которое внес В. Н. Мясищев, этот неординарный ученый-психолог, в научное освещение такой сложной проблемы, как личность человека, ее феноменология, закономерности и механизмы развития.

Глубоко усвоивший еще в годы учения в Психоневрологическом институте от своих незаурядных учителей, что психику человека нельзя отрывать от его организма и от воздействий окружающего его мира и что проявления ее зависят от конечных результатов интеграции всех природных и социальных воздействий в наиболее сложных образованиях в ней, В. Н. Мясищев начал целенаправленное и последовательное выявление и объяснение сущностных характеристик личности – одного из сложнейших и важнейших по своей роли во всей жизнедеятельности человека образований его

Отталкиваясь фактически от философского раскрытия содержания понятия личности, когда человек рассматривается как результат всей общественной истории развития, обусловленный и определенный в обществе его классовым положением, отмечая у него также способность осознавать свои общественные связи и выделять себя как общественное существо из окружающего и особенно подчеркивая его способность не только приспосабливаться к окружающей его действительности, но и переделывать ее соответственно своим целям [3, с. 172–173], В. Н. Мясищев сформулировал свое психологическое понимание личности, имея в виду сформировавшуюся у каждого конкретного человека характерную

только для него систему отношений к различным сторонам действительности, включая и его отношение к самому себе [3, с. 48].

Буквально его позиция по обсуждаемой проблеме выглядит так: «Науке об абстрактных психических процессах противопоставляется учение о конкретной личности и ее деятельности. На место психологии элементов или психических функций выдвигается новая психология личности и ее отношений к действительности. Эта психология не отвергает понятия процессов психической деятельности и понятия психических функций, но утверждает, что психические процессы могут быть правильно поняты только как процессы психической деятельности личности, т. е. в их обусловленности личностью в целом [3, с. 173].

Следуя за своим учителем А. Ф. Лазурским, В. Н. Мясищев настойчиво исследовал содержание и формы взаимодействия человека с действительностью, постоянно работал над уточнением категории отношений, определением ее места и роли среди других психологических категорий, объясняющих функционирование человека как личности.

«Психическое отношение, – писал он, – выражает активную, избирательную позицию личности, определяющую индивидуальный характер деятельности и отдельных поступков» [3, с. 203]. Уточняя и развивая это утверждение, В. Н. Мясищев выразил содержащуюся в нем мысль уже более развернуто: «Психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности, с различными сторонами объективной действительности» [3, с. 16].

Обозначив характеристику целостности в системе отношений, совокупность которых образует личность человека, В. Н. Мясищев тем самым предельно четко подчеркнул, что конкретные поступки и деяния человека определяются, как правило, в каждом случае не отдельным отношением в названной совокупности, а испытывают на себе влияние и других отношений, образующих эту совокупность. Таким образом, характер поступков и деяний человека инициируется не только особенностями того объекта, который воздействовал на человека и на который человек ответил конкретным поступком или столь же конкретным деянием, а значимостью этого объекта для него.

Продолжая анализировать отношения, В. Н. Мясищев выделил такой параметр в них, как активность. Об этом свойстве отношений он писал: «Отношение – сила, потенциал, определяющий степень интереса, степень выраженности эмоций, степень напряжения желания или потребности. Отношения поэтому являются движущей силой личности» [3, с. 49].

Далее В. Н. Мясищев, характеризуя отношения, обращает внимание на такую особенность их, как сознательность. В своей работе «О связи проблем психологии отношения и психологии установки» он выразил свою мысль так: «Как указывает Д. Н. Узнадзе, установка бессознательна. Существенным в отношениях человека, отличающим его от животного, является их сознательность... оно (отношение. – А. Б.) осознается, хотя мотивы или источники его могут не осознаваться. Может ли отношение быть бессознательным или неосознанным. По-видимому, это закономерный путь формирования всего сознательного: сразу или постепенно оно осознает-

ся, наиболее развитое отношение осознано и мотивировано» [3, с. 106–107].

Определяя типичные для отношений свойства, В. Н. Мясищев очень настойчиво выделяет среди других, уже названных, их избирательность. В окружающей человека действительности и в нем самом не все для него одинаково значимо, и вместе с тем разные виды деятельности (познание, труд, общение), которые ему приходится повседневно осуществлять, постоянно ставят перед ним несовпадающие одна, с другой задачи. И это – тоже, образно говоря, пространство, где всегда дает себя знать, многообразно проявляясь, избирательность его отношений. Проявление в отношениях избирательности и причины ее возникновения В. Н. Мясищев объяснил следующим образом: «Так как свойства объекта существуют для всех, а действия и переживания, вызываемые объектом, у разных людей избирательны и различны, то очевидно, что источник особенностей переживания и действия лежит в индивиде, в человеке как субъекте отношений, в связи с особенностями его индивидуального опыта. Существенным и характерным является индивидуально избирательный характер связей» [3, с. 16]. В другом месте он только что сказанное им об избирательности резюмировал так: «Подытоживая все сказанное здесь и ранее об отношениях человека, можно рассматривать их как потенциал избирательной активности человека в связи с различными сторонами действительности» [3, с. 345–346].

Исследуя свойства отношений, В. Н. Мясищев отмечал наличие в них познавательного, эмоционального и волевого компонентов. От характера отношения, говорил он, зависит, как отражается объект в сознании и самосознании человека. Знак и интенсивность эмоции, которые

несет в себе отношение, влияют на то, в каком свете запечатлевается объект отношения и на какие поведенческие реакции побуждается ими человек в отношении объекта, с которым он взаимодействует. Ну а степень субъективной значимости этого объекта для него детерминирует выраженность волевого компонента в его обращении, с объектом отношения.

Важнейшим из трех названных образующих отношение элементов В. Н. Мясищев совершенно обоснованно считал его эмоциональную составляющую. Эту свою оценку значения и места эмоций в отношениях В. Н. Мясищев выразил в следующих словах: «Эмоция является обязательным компонентом отношения. Без эмоции нет отношения или, лучше сказать, существует то, что называется безразличием и равнодушием, индифферентностью» [3, с. 109].

Помимо представленной выше логики научно-содержательное раскрытие основных психологических характеристик отношений, В. Н. Мясищев осуществил, образно говоря, презентацию основных феноменов, по своим сущностным признакам являющихся отношениями, имея в виду потребности, интересы, склонности, идеалы, нравственные и духовные ценности человека.

Они, эти феномены, прослеживаемые во взаимосвязях друг с другом, с точки зрения В. Н. Мясищева, наиболее отчетливо высвечивают личностное ядро каждого человека.

Определяя с позиции теории отношений каждый из названных феноменов, В. Н. Мясищев писал: «Потребность представляет основной вид отношения человека к объективной действительности. Она является основным видом отношения человека к окружающему, потому что представляет связь организма, с жизненно важными объектами и обстоятельствами... На потребностях, подобно

другим отношениям, явственно сказывается не только разная степень их сознательности, но и различное соотношение врожденного и приобретенного компонентов» [3, с. 143]. И далее он дополняет сказанное: «Мы рассматриваем потребности как вид отношений, в которых наиболее активно проявляются импульсы человека к преобразующей деятельности» [3, с. 295].

Что касается интереса, то это, по мнению В.Н.Мясищева, – положительное познавательное отношение человека к какому-то объекту (предмету, явлению, общности и др.) в окружающей человека действительности. Очень настойчиво В.Н.Мясищев центрирует свое внимание и внимание читателя его работ на таком виде отношения, как склонность человека к какой-то конкретной деятельности. Он пишет: «Склонность к деятельности, столь важная для понимания продуктивности и успешности, представляет собой потребность в деятельности. Благодаря непрерывному обогащению, т.е. установлению обильных и многообразных ассоциативных (условно-условных) связей в процессе деятельности, подкрепленная удачами, обогащенная примерами, она представляет собой также общественно-опытное, приобретенное, развивающееся и крепнущее образование, которое может стать в подлинном физиологическом и психологическом смысле системой доминанты, высшей степенью сосредоточенности всех сил человека, высшей ценностью и смыслом его жизни» [3, с. 304].

Продолжая развивать свое понимание склонности, В. Н. Мясищев заключает: «Мы определяли склонность как избирательно положительное отношение к деятельности. Наше понимание сближает также понятие склонностей, интересов и потребностей, но не включает поня-

тия идеала как сложного, высокого порядка идейного (идеологического) образования» [3, с. 318].

Не оставляет за границами отношений В. Н. Мясищев и ценности жизни и культуры, которые стали собственными личносно значимыми ценностями человека. В прямой связи с только что сказанным он пишет: «Подлинно человеческие цели – это ценности, ради которых лучшие люди жертвовали жизнью, в борьбе за достижение которых они черпали источники «сверхчеловеческой воли», стойкости, выносливости, мужества и терпения» [3, с. 120–121].

Продолжая анализировать виды отношений и выявлять общее и особенное в них, В. Н. Мясищев проследит их связи со способностями человека. Например, разведя сначала психическое содержание феноменов способности и склонности, он затем раскрывает характер их сопряжения. Он пишет: «Понятие способностей включает в себя функциональный и потенциальный планы. Способность – это возможность высоких достижений, большая быстрота, легкость, глубина результатов. Но это – потенциал, который реализуется и нарастает в процессе деятельности. Склонность же – это отношение, взятое не просто в предметном, а в предметно-процессуальном плане, т. е. в плане деятельности, связанной, с определенным содержанием» [3, с. 319].

Детально разбирая взаимовлияние склонностей и способностей на развитие друг друга и исследуя действующие при этом механизмы, В. Н. Мясищев, привлекая снова факты, многонаправленно анализирует типичные коллизии, когда склонности человека не гармонируют с характером проявляемых им способностей. Что касается проблемы связи склонностей и способностей, то ее освещение в работах ученого предваряет большой массив

фактов, раскрывающих во всей его сложности действие отношений на психические процессы и состояния человека и обратное действие последних на отношения [2–4].

Трактуя личность прежде всего как систему отношений человека к окружающей действительности, образующуюся в результате его развития, воспитания и самовоспитания, В. Н. Мясищев обозначает главные аспекты, которые надо обязательно учитывать, понимая именно так личность. Первый среди них – доминирующие отношения личности, с этими отношениями связан вопрос о том, для чего живет данный человек, что для него является смыслом жизни [3, с. 49].

Второй аспект – это ответ на вопрос о психическом уровне, на который человек поднялся в развитии и реализации своих отношений. В. Н. Мясищев говорит об этом уровне так: «Это не только уровень его желаний, но и уровень его достижений. Определить данный уровень – значит ответить на вопросы: чего достиг человек, каковы его возможности, какой след он оставил в жизни общества» [3, с. 56].

Третий компонент в ракурсе рассмотрения личности, предложенном В. Н. Мясищевым, – динамика познавательных, эмоциональных и поведенческих реакций личности. Четвертый компонент характеристики личности, вытекающий из предложенной логики, – это взаимосвязь основных компонентов или общая структура личности.

Содержательно насыщая это образование, В. Н. Мясищев относит к нему «пропорциональность, гармоничность, цельность личности, ее широту и глубину, ее функциональный профиль, т. е. соотношение различных свойств психики или то, что по преимуществу называют характером личности» [3, с. 52].

Формулируя эти положения в своей концепции личности и ее отношений, В. Н. Мясищев вместе с тем настаивает на разведении понятий свойств личности и характера при их близости, а иногда и совпадении. Разграничивая их, ученый пишет: «Характер – это психическое своеобразие человека, интеграл всех его свойств. В основном характер – это единство отношений и способа их осуществления в переживаниях и поступках человека. Личность – это человек, рассматриваемый с точки зрения собственно человеческих социальных его особенностей» [3, с. 349].

Аргументированно сформулировав свое понимание сущности личности, выделив и охарактеризовав ее основные компоненты, представленные вниманию читателя, а также многоуровнево и многонаправленно показав их взаимосвязи с психическими процессами и состояниями, а также, где это было возможно, и с его индивидуальными особенностями (индивид, в понимании представителей ленинградской психологической школы, – человек как сложный живой организм), В. Н. Мясищев на основе данных анализа психического и физического развития как здоровых, так и страдающих отклонениями от нормы людей, относящихся к самым разным возрастным и социальным группам, полученных в течение длительного временного периода сотрудниками Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, а также учениками самого В. Н. Мясищева на факультете психологии Ленинградского университета, систематизировал и обобщил свои представления о закономерностях психического развития человека, и в частности развития его как личности, и об основных факторах, которые определяют ход и результаты этого развития [2–4].

Объективируя свой взгляд на развитие личности, В. Н. Мясищев писал: «Развитие личности представляет процесс образования усложняющихся, обогащающихся, углубляющихся связей с действительностью, накопление в мозгу потенциала действий и переживаний. Развитие личности – это развитие психики, а значит, это развитие и усложнение психических процессов и накопление опыта – психического потенциала... Исследование личности в ее развитии представляет историческое изучение личности в динамике ее содержательных отношений» [3, с. 346–347].

Четко выразил свою позицию В. Н. Мясищев и по поводу целенаправленного влияния макро- и микросоциумов на процесс формирования общественно ценного типа личности: «Педагогика и управление всей психодинамикой и взрослого и подрастающего человека существенно связаны с формированием отношений человека, – утверждал он. – Движущей силой этого развития, мотивом являются идейно-социальные требования. Успешное развитие регулятивной, регуливающей роли идейных отношений приводит к формированию полноценных личностей» [1, с. 352].

Прочитав это утверждение В. Н. Мясищева и зная скептическое отношение части представителей теперешнего нашего социума к понятию «идейный», я считаю себя обязанным сказать, что В. Н. Мясищев, употребляя это понятие, имел в виду высокий уровень общественно-нравственного развития человека и связывал с ним сформированность в личности таких качеств, как коллективизм, человечность, благородство, порядочность, подлинная принципиальность, трудолюбие, самоотверженность и др. [3, с. 30, 48, 51, 52, 65, 73, 81, 92, 93, 120, 165, 175, 350].

Заканчивая на этой высокой нравственной ноте рассмотрение концепции личности и психологии отношений, разработанной В. Н. Мясищевым, я отдаю себе отчет в том, что сделал это очень конспективно и, производя из всего написанного Владимиром Николаевичем отбор положений, раскрывающих существо его концепции, и трактовку им отношений, по причине неизбежного в таких случаях субъективизма, наверное, обеднил действительное научное содержание, которое несет в себе эта концепция. Но я надеюсь, что это мое упущение будет снято в процессе прямого изучения читателями опубликованных трудов В. Н. Мясищева, а также ознакомления с результатами практической работы с людьми, построенной на теоретическом фундаменте его учения о личности и отношениях, его последователей Л. И. Вассермана, А. И. Захарова, В. В. Иовлева, Б. Д. Карвасарского, Э. Б. Карповой и др., представляющих мясищевскую личностнонаправленную психотерапевтическую школу.

Библиографический список

1. Бодалев А.А. В. Н. Мясищев и психология отношений // Педагогический вестник. 1992. № 54.
2. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л., 1960.
3. Мясищев В.Н. Психология отношений. М.; Воронеж, 1995.
4. Яковлева А.А. Психологическая концепция личности в трудах А. Ф. Лазурского и В. Н. Мясищева: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ
ИНСТИТУТОВ
ТРАДИЦИОННОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ

Л. Е. Лантеева

ИНФОРМАЦИОННАЯ

БАЗА МЕСТНЫХ
СООБЩЕСТВ:
МЕТОДИКА
СОСТАВЛЕНИЯ
И АНАЛИЗА

*Ю. В. Филиппов,
А. В. Пенюгалова*

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ИНСТИТУТОВ ТРАДИЦИОННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Л. Е. Лантеева

Уважение к личности, без которого немислимы либеральные политические режимы современного мира, неизбежно продолжает себя в бережном отношении к традициям колониальных и малочисленных народов, поглощенных государственностью западного типа. Процесс включения таких народов в современные государства занимает длительное время. Известно, что большинство метрополий старалось сохранять традиционные управленческие формы таких народов. В связи с этим эпоха становления современного западного государства породила вопросы, тесно соприкасающиеся с областью теоретических исследований, называемой ныне «юридическая антропология». Эта наука представляет собой разновидность сравнительно-правовых исследований. Но она избирает «предметом своего изучения речевой строй, жизненные навыки и формы представительства, которые каждое общество считает основополагающими для своего функционирования и воспроизводства» [11, с. 7]. Данная наука зародилась в конце XIX в. в Германии и имела целью расширить область своего применения. Помимо позитивного права, предметом научного

анализа становилось право «примитивных, или варварских, народов» [6; 10], а также правовые обычаи. Юридическая антропология «заметно расширяет и обогащает диапазон, арсенал, приемы и методы научно-правовых исследований, объем и содержание юридических знаний. Речь в конечном счете идет о новых подходах к праву и об изучении новых аспектов (граней, проявлений, «образов») права, об углублении, конкретизации и развитии наших совокупных знаний о праве как специфическом социальном явлении, играющем существенную роль в организации и функционировании общественной жизни людей в разнообразных условиях и на различных этапах истории человечества» [9, с. 2].

Со времени своего зарождения юридическая антропология проделала немалый путь. Пока трудно расставить по местам разнообразные факторы, воздействовавшие как на науку, так и в первую очередь на ее предмет. Ясно только, что во второй половине XX в., если не раньше, начинается существенно меняться ее концепция. На смену эволюционизму Л. Моргана и Ф. Энгельса приходит идея правового плюрализма, при ближайшем рассмотрении явственно несущая в себе черты исторической школы права. «В обычае и общественном мнении, – по словам классика антропологии и социологии Л. Вольтмана, – выражаются как существующие, так и новые потребности и интересы, которые волнуются в глубинах общества. Это старый опыт политической правовой истории, что «законы без обычаев бесплодны, когда они не согласуются с характером и привычками, с религиозными предрассудками и унаследованными обычаями народа или, по меньшей мере, не связываются с ними органически во время своего развития. . . Традиция и голос народа даже в самых примитивных негрских деспотиях являют-

ся политической силой, с которой правители должны считаться. В цивилизованных государствах общественное мнение само создает в прессе и литературе, в собраниях и речах самостоятельную силу политической критики контроля и инициативы» [1, с. 323–324].

По замечанию А. Х. Саидова, на заре развития этой науки сравнение «почти всегда было направлено на выявление сходства и параллелизма в развитии права, ибо... такое развитие было подчинено действию общих для всего человечества закономерностей. Различия и несходства отбрасывались как случайные. Само общественное развитие понималось как однолинейный процесс» [12, с. 21].

Собственно говоря, смысл такого процесса заключался в постепенном приведении всех этносов, народов и созданных на их базе цивилизаций к некоему общему знаменателю. За безнадежно отставшими от «передовых» цивилизаций народами признавалось лишь только почетное право быть соответствующим образом обученными и поглощенными более развитой цивилизацией, которой они, в свою очередь, оставляли некоторые элементы собственной культуры. До сих пор считается, что этот подход, порожденный эпохой колониализма, был прежде всего призван оправдывать политику метрополии в отношении коренных народов колонизируемых территорий.

По словам известного этнографа К. Леви-Строса, «все цивилизации, считающиеся (справедливо или ошибочно) высокоразвитыми – христианство, ислам, буддизм и, в несколько ином плане, цивилизация технического прогресса, ныне сближающая их, – по мере своего распространения вбирали в себя элементы «первобытного» образа жизни, «примитивного» мышления, «примитивного» поведения, которые всегда были объектом антропологических исследований. Незаметно для нас такие «прими-

тивные» элементы видоизменяют эти цивилизации изнутри. Так называемые «примитивные», или «архаические», народы не исчезают, не превращаются в ничто. Напротив, они более или менее быстро ассимилируются окружающей их цивилизацией; последняя, в свою очередь, приобретает универсальный характер» [7, с. 31].

В сказанном, конечно, есть резон. Однако все представляется несколько сложнее. Э. Дюркгейм, известный социолог, труды которого юридические антропологи числят среди основоположников, анализировал право как видимое проявление «общественной солидарности», «чисто морального явления, не поддающегося само по себе ни точному наблюдению, ни особенно измерению». Социальная жизнь, по мнению ученого, «повсюду, где она долго существует, неизбежно стремится принять определенную форму и организоваться, и право – не что иное, как сама эта организация в ее наиболее устойчивом и точном выражении» [4, с. 71–72]. При этом Дюркгейм далек от мысли, что право – единственный социальный регулятор. Однако он считает, что именно право воспроизводит основные формы социальной солидарности, и методом классификации различных видов права исследует соответствующие виды социальной солидарности. Критически относясь к общепринятому делению права на частное и публичное, Дюркгейм предпочитает различать юридические нормы в соответствии с видом санкции на репрессивные и реститутивные. Ясно, что в любом обществе присутствуют те и другие виды. Поэтому для Дюркгейма развитие общества – в постепенном ограничении репрессивного и расширении реститутивного начала. На его языке это выглядит как сужение механической и расширение органической общественной солидарности. Последнее, что важно отметить у Дюркгейма, – отсутст-

вие последовательно проводимой позиции юридического позитивизма. Социальную солидарность и право как наиболее явную форму ее выражения он тесно связывает с понятием свободы, которая «есть продукт регламентации», поскольку свобода одного возможна в той мере, в какой «другой удерживается от того, чтобы воспользоваться своим физическим, экономическим или каким-либо иным превосходством» [4, с. 7]. Для него обычай – такое же право, как писаное и кодифицированное, а «юридические концепции низших обществ достойны интереса не менее, чем концепции самых развитых обществ» [4, с. 78, 83].

Таким образом, один из теоретических основоположников юридической антропологии, рассматривая право как универсальный общий элемент, далек от мысли о насильственной цивилизации народов. Напротив, он считает, что элементы органической солидарности тесно связаны с особенностями данного общества, прежде всего экономическими. Собственно говоря, то же мы читаем и у М. Вебера, который считал, что развитие формальной правовой рациональности тесно связано с ростом капитализма, а «племенные общества» предпочитают другие формы социальной регуляции ввиду низкого уровня развития технологии [14].

В последние же годы все больше ученых-антропологов отказывается от однолинейного понимания прогресса, признания универсальности права, что означает и новое отношение к проблеме традиционных народов. С окончанием эпохи колониализма действительно приходит осознание того, что народы эти – не отстающие на беговой дорожке истории аутсайдеры, а представители принципиально иных цивилизаций мира, где существуют свои ценности и социальные регуляторы, что в конечном

счете обусловлено другим способом взаимодействия с природой, иной материальной культурой, порожденной отличными от западных ценностными ориентациями. Здесь уместно вспомнить классификацию Л. Н. Гумилева, который считал, что существуют народы, «изменяющие природу» и «составляющие часть биоценозов» [3, с. 166].

Современный классик науки Н. Рулан констатирует: «До сегодняшнего дня юридическая антропология не могла дать ясный ответ на основной вопрос о единстве или множественности человеческих общностей. Попытки эволюционистов дать обобщающую историческую однолинейную реконструкцию потерпели провал. Сейчас же настойчивое подчеркивание плюралистичности приводит к обратному – отдаляет нас от представления об универсальности мира» [11, с. 49].

Позиция правового позитивизма, который принимает форму правового плюрализма, в настоящее время доминирует в отечественной юридической антропологии. Центральным моментом антропологического изучения правовых систем при таком подходе становится «их культурно обусловленный плюралистический характер, в том числе их частое сосуществование внутри единой национальной или региональной централизованной правовой системы. Речь идет прежде всего о том, что в мультиэтнических социальных средах такие правовые подсистемы, как уголовное, гражданское или коммерческое право, могут сосуществовать с другими правовыми кодексами разного типа. Эти другие правовые системы или отдельные нормы имеют разные степени формализации и развитости и обычно распространены среди разных сегментов населения одного и того же государства или его региона. Но, будучи признанными со стороны государст-

ва и общества, они составляют то самое «единое правовое пространство», о котором прежде всего заботятся представители «государственного права». Если же эти культурно обусловленные правовые нормы, бытующие, как правило, среди этнических или иммигрантских меньшинств, не признаются или даже репрессируются государством, то они все равно составляют часть социальной реальности как малых общин, так и большого общества, производя напряженность и противоречия, а иногда – жестокие конфликты» [13, с. 11].

Парадоксальным образом такая политически выдержанная, нейтральная постановка вопроса не всегда приветствуется самими традиционными народами, поскольку как бы блокирует для них путь к прогрессу по примеру западной цивилизации. Между тем критики эволюционного подхода правы: заимствование чужих внешних форм организации жизни общества, в том числе и государственно-правовых западного типа, еще не является залогом успеха. Об этом говорил еще Монтескье, который считал, что «зависимость между правом и обществом такова, что передача права от одного общества другому неосуществима, разве что эти общества мало различаются» (цит. по: [11, с. 25]). Необходимо, чтобы внутренние процессы данного общества хоть как-то соответствовали заимствуемым формам. В принципе, состояние общества может остаться таковым, что ему никогда не понадобится сколько-нибудь широкое включение права в систему социальной регуляции.

Трудности юридической антропологии вполне понятны. Прежде всего они коренятся в разнообразии юридических школ и правопонимания. Но отрицание эволюционного подхода само по себе никак не опровергает представления об универсальности права. Ведь цивилизации

различаются (и будут различаться) целым комплексом социокультурных характеристик. И слава Богу! В противном случае человечество рисковало бы в один прекрасный день проснуться в «дивном новом мире» О. Хаксли. Конечно, особенности той или иной цивилизации проявляются в том числе и в месте, занимаемом правом в системе социальной регуляции. Оно может применяться более или менее широко в зависимости от того, насколько идея свободы близка данному обществу, что так или иначе выходит на уровень или, если угодно, способ экономического производства и гумилевский «способ взаимодействия с природой». Самобытность культур не противоречит принципу универсальности права. Просто в каждом конкретном случае можно говорить о той или иной степени, форме его проявления. Так называемый плюрализм права происходит из нечеткого представления о том, что такое право.

Для России эта проблема является далеко не простым предметом научных дискуссий, хотя бы потому, что самобытность российской цивилизации ни у кого сомнений не вызывает, а разнообразие форм проявления права всегда проистекал из полиэтничности страны. Разговор о методе, господствующем в юридической антропологии, понадобился здесь потому, что одним из направлений плюралистической теории является разработка вопросов «планового правового плюрализма». Г. Вудман считает, что «когда два или более корпуса права применимы к одному и тому же населению – т. е. в ситуации правового плюрализма – каждый корпус проводит свою политику по отношению к другому. Эта политика может быть или не быть последовательной или последовательно проводимой. Часто она подразумевается, нежели является результатом ясного и четкого рассмотрения. Это может

быть политика антагонизма или конфликта или политика согласования и даже благоприятствования другому праву и его продвижения. Социальные последствия такой политики могут быть более удовлетворительны, если она планируется путем сознательного принятия решений» [2, с. 13]. Вудман, по всей видимости, опирается на теорию признания Э. Бирлинга, разновидность позитивистского правопонимания, сущность которого сводится к тому, что «право есть совокупность норм, основной признак которых, отличающий их от всех остальных видов норм, заключается в признании их определенной группой людей правилами внешнего поведения для всех, принадлежащих к этой группе» (цит. по: [5, с. 156]). Во всяком случае, он не опирается (как большинство представителей юридической антропологии) на сущностное определение права, позволяющее выделить признаки права в разных формах его проявления. Таким сущностным подходом обладает либертарная теория, согласно которой под правом понимается «исторически определенная и объективно обусловленная форма свободы в реальных отношениях, мера этой свободы, форма бытия свободы, формальная свобода» [8, с. 342–342].

Рассматривая возможные варианты политики планирования правового плюрализма, Вудман исходит из того, что политика эта может избираться «правом по отношению к любой части другого права». Речь, конечно, идет о разных позитивных порядках, а не о естественном праве. Однако конкретное воплощение разных видов политики он все же рассматривает с точки зрения их возможного избрания «государственным правом». По всей вероятности, под последним он подразумевает закон. К вариантам политики у Вудмана относятся:

- 1) политика конфликта или отрицания обычного права;

2) политика разделения, имеющая целью ликвидацию ситуации правового плюрализма путем выделения носителей обычного права из государства;

3) политика агломерации, допускающая сосуществование различных видов права (точнее такую политику можно назвать «санкционированием» государством иного правового порядка);

4) политика объединения, имеющая целью сделать обычное право или его часть частью государственного закона права [2, с. 17–18].

Приведенная классификация заслуживает внимания, но нуждается в комментарии. Для того чтобы метод сравнил, необходимо пользоваться сущностным определением права. Тогда приведенные варианты взаимодействия закона с обычным правом можно оценивать в зависимости от того, увеличивает или уменьшает каждый из приведенных вариантов меру автономии субъектов права.

Системы государственного и традиционного управления в России долгое время существовали как бы в параллельных измерениях, соприкасаясь чаще всего в случае конфликтов. Согласно классификации Вудмана, со времен Петра I доминирует политика отрицания обычного права, которая при Екатерине II начинает сочетаться с политикой санкционирования некоторых традиционных институтов и сопутствующих норм. Начиная со времен М.М.Сперанского «юридический быт народа» активно изучается и становится в той или иной мере источником для законодательства. Вряд ли можно говорить о том, что санкционирование и инкорпорация обычного права в этих случаях вели к укреплению общего правового начала в российском законодательстве об управлении. Скорее, речь идет об использовании самодержавием традиционных норм в своих целях.

Библиографический список

1. *Вольтман Л.* Политическая антропология. М., 2000.
2. *Вудман Г.* Теория права, антропология и плановый правовой плюрализм // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999.
3. *Гумилев Л.Н.* Об антропогенном факторе ландшафтообразования // Этносфера: история людей и история природы. М., 1993.
4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996.
5. *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1998.
6. *Колер И.* Право как элемент культуры. М., 1896.
7. *Леви-Стросс К.* Пути развития этнографии // Первобытное мышление. М., 1994.
8. *Нерсесянц В.С.* Право и закон. М., 1983.
9. *Нерсесянц В.С.* Предисловие // Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.
10. *Пост А.* Зачатки государственных и правовых отношений // Очерки по всеобщей сравнительной истории государства и права / Предисл. М. Ковалевского. М., 1896.
11. *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 1999.
12. *Саидов А.Х.* Сравнительное правоведение и юридическая география мира. М., 1993.
13. *Тишков В.А.* Антропология права – начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000.
14. *Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. N. Y., 1958.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ: МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ И АНАЛИЗА

Ю. В. Филиппов, А. В. Пенюгалова

В последние годы вместе с активным развитием идеи регионализма в регулировании экономических и социальных процессов в России резко возрос интерес к информации, разрабатываемой на местном уровне. Расширились зоны гласности, открылся доступ к информации широкому кругу пользователей, увеличился объем официальных статистических данных, публикуемых в многочисленных центральных и местных изданиях, статистических сборниках, периодической печати, средствах массовой информации.

Наиболее глубокий интерес к местной информации возникает в кругу менеджеров, предпринимателей, инвесторов и других категорий работников, принимающих управленческие решения на уровне крупных и средних предприятий, городских, районных, сельских и поселковых властных структур. Для них данные местной статистики представляют собой средство информационного обеспечения для принятия оптимальных управленческих решений.

Основным элементом местной статистической службы служит информационная база – совокупность информационных потоков, существующих объективно и характеризующих количественно и качественно состояние развития территории в каждый конкретный момент времени. Местная информационная база призвана описывать текущее состояние местного сообщества в целом и его элементов. При этом основным объектом статистического

наблюдения выступает социокультурное и экономическое пространство изучаемой территории.

Местные сообщества имеют несколько территориальных уровней:

- город;
- административный район;
- сельская (поселковая) администрация.

Они существенно дифференцируются по размерам территории, целям и задачам функционирования, поэтому и содержание информационной базы местной статистики может существенно различаться.

Информация должна удовлетворять потребности основных пользователей, которых условно можно разделить на внутренних и внешних. К внутренним мы относим:

- местные органы управления и самоуправления;
- домохозяйства;
- жителей сообщества;
- предпринимателей;
- внутренних инвесторов и др.

Внешние включают:

- государственные органы управления;
- внешних инвесторов;
- предпринимателей из других сообществ;
- людей из других сообществ, желающих переехать на постоянное жительство в местное сообщество или получить работу на его территории;
- научные и научно-исследовательские организации;
- специалистов по развитию местных сообществ;
- средства массовой информации;
- международные и транснациональные корпорации;
- партии;

– организации по изучению рынка и общественного мнения и др.

Учитывая присущие им интересы, разные группы потребителей нуждаются в соответствующей информации. Это обусловлено природой социально-экономических процессов, получивших развитие в местном сообществе, и той ролью, которую выполняет каждый из рассматриваемых участников в развитии территории.

К примеру, домохозяйства, выступающие потребителями товаров и услуг, нуждаются в информации о потребительском рынке. Кроме того, домохозяйствам как владельцам ресурсов труда, денежных сбережений и капитала необходима информация о рынках труда и капитала.

Для местных органов управления и самоуправления информация должна обеспечивать базу для принятия эффективных решений в основных сферах их деятельности, а значит, отражать:

- ресурсный потенциал развития территории;
- услуги, предоставляемые населению в сфере культурного, образовательного, медицинского, транспортно-го, бытового и прочего обслуживания;
- привлекательность территории для создания эффективной рекламы с целью привлечения предпринимателей, инвесторов, туристов и т.д.

Предпринимателям и инвесторам информация должна дать представление о ресурсных возможностях территории и условиях инвестирования, т. е. содержать сведения о:

- материальных ресурсах;
- рынках труда, наличии свободной рабочей силы с характеристикой её качественного состава;
- инженерном состоянии площадок;

- размещении предприятий и возможностях подключения к производственно-бытовой инфраструктуре региона (банки, биржи, брокерские конторы и т.д.).

Для индивидов, включая потенциальных иммигрантов, важна информация о наличии свободных рабочих мест по видам занятости, о предоставляемых социально-бытовых, коммунальных, культурных услуг, их видах, объемах и качествах, о возможности строительства и покупки жилья и пр.

Важной проблемой формирования местной информационной базы является разработка системы показателей и механизм их получения, сбора. На местном уровне общая система социально-экономических показателей объединяет:

- показатели, собираемые органами государственной статистики, для построения системы индикаторов федерального уровня;

- показатели, разработка которых определяется потребителями информации данного сообщества.

Первая группа имеется в местных органах государственной статистики. Для формирования второй группы следует использовать информацию, собираемую и разрабатываемую в:

- краевых (областных), районных ведомственных организациях (райздравотдел, районо, служба занятости, УВД, служба соцзащиты и др.);

- налоговых органах;

- Торгово-промышленной палате;

- бизнес-центрах и бизнес-инкубаторах.

Можно использовать и другие источники:

- информационно-статистический справочный материал, публикуемый органами государственной и регио-

нальной статистики по изучаемому местному сообществу и другим территориям;

- результаты специально организованных статистических наблюдений, проводимые органами местной статистики.

Центральное звено содержания местной статистики – наличие соответствующих показателей. Система показателей строится с учетом особенностей местного сообщества и задач, которые ставит практика управления территорией на основе общих принципов построения систем статистических показателей.

Система показателей местной статистики должна содержать относительно небольшое число индикаторов, достаточных для глубокого изучения территории, в частности, для проведения анализа местной экономики и социально-экономического развития местного сообщества.

Так как местное сообщество, будучи открытой системой, представляет собой компактное единство территории, жизни и экономической деятельности людей, информационная база должна отражать:

- «местное сообщество как целое, а не составляющие его фирмы или домашние хозяйства, или же небольшие вкрапления более крупной национальной экономики» [3, р. 73];

- взаимопотоки товаров, услуг и ресурсов между сообществами.

В структуре информационной базы можно выделить два основных взаимосвязанных элемента: внешний и внутренний (рис. 1):

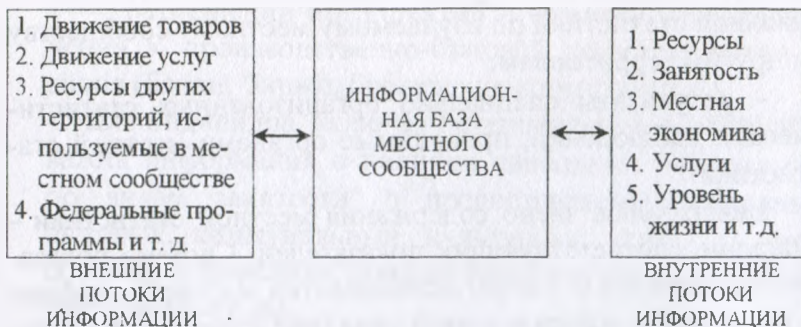

Рис. 1. Структура информационной базы местного сообщества

Содержание информационной базы местного сообщества формируется по двум направлениям:

1) система показателей, всесторонне характеризующих местное сообщество; на их основе проводится мониторинг и анализ уровня социально-экономического развития местного сообщества (эта часть информационной базы может быть представлена в форме паспорта (портрета) территории, инвентарной книги и т. д.);

2) информация «под проблему», необходимая для решения отдельных стратегических или тактических задач.

Фундаментальные данные, характеризующие общее состояние развития местного сообщества, сводятся к следующим блокам:

1. Природные условия и местоположение.
2. Земля.
3. Потенциал промышленного развития.
4. Демографические ресурсы.
5. Рынок труда.
6. Экономика.
7. Услуги.
8. Местные финансы.
9. Доходы и уровень жизни населения.
10. Движение товаров, услуг и рабочей силы.

Каждый блок включает ряд показателей, перечень которых полностью приведен в «Методике инвентаризации ресурсов местного сообщества», разработанной учеными кафедры государственного и муниципального управления КубГУ [2, с. 87–122] в рамках проекта TACIS, EDRUS-9604 «Муниципальный менеджмент».

Показатели инвентарной книги (паспорта) местного сообщества должны обновляться по мере необходимости, но не реже 1 раза в 2–3 года.

Для определения данных, требуемых для решения проблемы, необходимо пройти 4 последовательных шага (логический подход).

Первый шаг – формулирование проблемы и вопросов.

Второй шаг – определение информации, которая необходима для ответа на вопросы и решения проблемы.

Третий шаг – оценка: может ли предлагаемое решение обеспечить более конструктивное использование имеющихся источников информации.

Четвёртый шаг – определение дополнительных данных, которые потребуются, и самого дешевого способа их получения.

Содержание информационной базы «под проблему» зависит от характера решаемых проблем и решений, которые должны быть приняты. Поэтому теоретические или аналитические границы (рамки) определяют специфику требуемых данных. В этом состоит сущность прагматического подхода к формированию информационной базы, который применяется вместе с логическим. В целом логический подход определяет последовательность шагов по решению проблемы, а прагматический – содержание информационной базы. На рис.2 схематически показана сущность прагматического подхода.

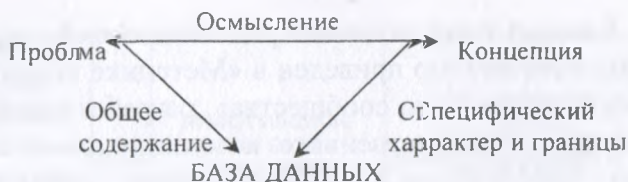

Рис. 2. Прагматический подход к формированию информационной базы

Рассмотрим сущность логического и прагматического подходов к формированию информации на небольшом примере.

Шаг первый – определение проблемы и постановка вопросов.

Проблема – повышение благосостояния (уровня жизни) людей в изучаемом местном сообществе.

Вопросы:

- почему уровень жизни населения в изучаемом сообществе ниже, чем в соседнем?
- что может сделать местная администрации для улучшения условий жизни населения.

Концепция решения проблемы – повышение благосостояния возможно за счет совершенствования факторов, влияющих на уровень жизни, а именно:

- улучшения жилищных условий;
- увеличения объема коммунальных услуг и повышения их качества;
- создания дополнительных качественных рабочих мест и др.

Общее содержание базы данных – показатели, характеризующие уровень социального развития местного общества.

Специфический характер – набор первичных показателей, составляющих блок «Уровень жизни населения», которых нет в основной базе данных.

Границы – все количественные и качественные индикаторы, составляющие информацию, не должны выходить за рамки уровня жизни, прямо или опосредованно работать на него.

Шаг второй – определение информации для изучения уровня жизни населения и факторов, воздействующих на этот уровень. Приводится перечень показателей, отвечающих требованиям, предъявляемым прагматическим подходом.

Шаг третий – определяется, может ли предлагаемая концепция повышения уровня жизни населения более конструктивно использовать имеющиеся в основной базе данных источники информации. Другими словами, возможно ли на основе имеющихся информационных ресурсов рассчитать дополнительные показатели для доказательства приведенной концепции, провести на их основе углубленный анализ и получить рекомендации по повышению уровня жизни населения.

Четвёртый шаг – определяются дополнительные данные, которые потребуются, и самый дешевый способ их получения. Результаты представляются в таблице.

Информация, полученная «под проблему», вводится в общую информационную базу местного сообщества в соответствующий блок.

Важной составной частью информационной базы местных сообществ является анализ уровня социально-экономического развития территории.

**ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ РЕШЕНИЯ
ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
В МЕСТНОМ СООБЩЕСТВЕ**

Показатели	Имеем (+), не имеем (-) *	Где можно получить необ- ходимое	Способ получения недо- стающих данных	Методика расчета показателя (если необходимо) или источник инфор- мации по расчету
Номинальные доходы	+	X **	X	X
Выплаты и льготы из об- щественных фондов по- требления	-	Местная служ- ба соцзащиты, отделы здраво- охранения, об- разования и др.	Докумен- тальный	X
Доля населения ниже черты бедности в общей числен- ности населе- ния территории	-	X	Расчет	Отношение чис- ленности населе- ния с доходами ниже прожиточ- ного минимума к общей численно- сти населения
Коэффициенты глубины бед- ности	-	X	Расчет	Гусаров В.М. Статистика. М., 2001. С. 271.
И т. д.				

Анализ социально-экономического развития местного сообщества происходит, когда люди в сообществе изучают его социально-экономическое состояние, определяют социально-экономические потребности и нереализованные возможности и решают, что можно и нужно сделать для улучшения социально-экономического положения и затем двигаться к достижению согласованных целей и задач. Следовательно, анализ экономического и социального развития местного сообщества – это процесс исследования элементов, составляющих экономику и со-

* «Имеем» подразумевает наличие информации в информационной базе местного сообщества, «не имеем» – отсутствие.

** Символ «X» означает, что графа не подлежит заполнению.

циальную сферу территории, а также их реакции на внешние и внутренние факторы – стимуляторы развития. Результаты анализа выступают базой для принятия управленческих решений.

Р. Шаффер выделяет шесть основных параметров, отличающих анализ социально-экономического развития местного сообщества от других видов экономического анализа [4, р. 105–108].

1. В фокусе анализа находится местное сообщество как целое, а не составляющие его фирмы или домашние хозяйства, или же небольшие вкрапления более крупной национальной экономики.

2. Неотъемлемую часть структуры анализа образуют внутренняя и внешняя открытость руководства и инициативность местного сообщества.

3. Важным компонентом анализа являются ресурсы сообщества.

4. Уже на этапе создания базы данных необходимо учитывать будущее участие жителей в создании и осуществлении программы развития, поэтому её доступность для понимания так же важна, как и содержание информации.

5. Социально-экономический анализ местного сообщества представляет собой холистический процесс, изучающий сообщество как некую реальную целостность, но признающий его различные человеческие, природные и экономические параметры.

6. Отношения жителей должны быть объяснены в анализе как возможностями, так и ограничениями.

Анализ социально-экономического развития местного сообщества проводится по тем же блокам, из которых состоит информационная база. Мы приведем основные направления анализа в разрезе каждого блока.

Природные условия и местоположение

Следует изучить природные условия территории, имеющие отношение к экономической базе. Сюда входит оценка природных ресурсов, формирующих сельское хозяйство (земля), добывающую промышленность (минеральные ресурсы), лесную промышленность (лесные ресурсы) и т.п.; наличие земельных участков под промышленное строительство (как оборудованных, так и необорудованных); транспорта, коммуникаций, а также природные возможности для развития туризма (рекреационные ресурсы). Определение плюсов и минусов местоположения сообщества, его природных условий помогает определить экономические преимущества и недостатки территории.

Земля

Цель анализа земельных ресурсов – выявить, насколько хозяйственная специализация территории, особенно сти расселения, сложившаяся система землепользования отвечают потребностям развития местного сообщества.

Потенциал промышленного развития

Анализ проводится для определения и оценки материальной инфраструктуры территории.

Демографические ресурсы

Анализируя демографическую ситуацию местного сообщества, следует получить данные о возрастной структуре населения. Особое внимание необходимо уделить занятости, возрасту, доходу, распределению населения по видам занятий за последние десять лет. Сюда же полезно включить анализ нетрудоспособной части населения, изучив географическое распределение лиц младше

15 лет и старше 55 (60) лет. Цель анализа населения – определить экономическую жизнеспособность местного сообщества и оценить, на какую целевую группу населения делать ставку при планировании направлений экономического развития.

Основные демографические и другие показатели, характеризующие уровень развития территории, могут быть сведены в демографическую таблицу [2, с. 132–142]. Цель демографической таблицы – показать вариацию демографического потенциала и частично условий жизни в различных местностях. Это позволяет дать их сравнительную характеристику, т. е. дифференцировать по количеству и качеству рабочей силы и степени развитости территории. Таблица составляется по каждой территории в целом и в разрезе населенных пунктов.

Рынок труда

Для анализа рынка труда следует получить информацию о структуре занятости по полу, возрасту, уровню образования и квалификации в каждой отрасли занятости. Кроме того, сюда должны быть включены данные о безработице за последние 5 лет. Структура занятости в местном сообществе покажет, какие человеческие ресурсы имеются и требуются для экономического развития и какая часть рабочей силы нуждается в помощи.

Характеризуя рынок труда и занятость, нужно определить численность трудоспособного населения, трудовых ресурсов, экономически активного, занятого, безработного населения и показатели их использования.

Экономика

В ходе анализа необходимо изучить экономическую базу местного сообщества, её изменения и реакцию на

новые экономические условия, определить факторы, оказывающие влияние на экономическую жизнеспособность региона. Давая общий экономический анализ местного сообщества, следует помнить, что сложившаяся структура местной экономики необязательно является самой удачной в настоящем и поэтому не должна предопределять направления дальнейшего развития. Понимание структуры местной экономики – первый необходимый шаг в разработке программы долгосрочного экономического развития, основанной на использовании возможностей местного сообщества, его ресурсов и направленной на обеспечение населения рабочими местами.

Для характеристики экономического развития территории определяется структура занятых по секторам экономики:

1) первичный – занятые в добывающих отраслях, сельском и лесном хозяйстве;

2) вторичный – занятые в перерабатывающих отраслях промышленности;

3) третичный – занятые в сфере услуг.

Чем выше численность и доля занятых в третичном секторе, тем выше уровень экономического развития местного сообщества; соответственно, преобладание занятости в первичном секторе свидетельствует о низком уровне развития экономики. Таким образом, структура занятости по трём секторам экономики характеризует уровень экономического развития территории.

Второй этап анализа экономики – характеристика структуры экономики местного сообщества по отраслям занятости в сравнении с базисным местным сообществом. Чаще всего такой территорией является местное сообщество более высокого административного уровня (например, район края в сравнении с краем в целом).

Структуру экономики МСО необходимо рассматривать не только в сравнении с другой территорией, но и в динамике, как правило, за 10 лет. Это позволяет провести структурный анализ экономики, или анализ структурных сдвигов [2, с. 143–147]. Структурный анализ представляет собой мощный и продуктивный метод анализа изменений в структуре местной экономики в сравнении с базисной. Цель структурного анализа – определить, что такое местная экономика с точки зрения создания рабочих мест или её производительности в сравнении с более крупной базой или регионом с однотипной ориентацией экономики.

Отдельно следует рассмотреть развитие малого бизнеса. В процессе анализа необходимо определить общее количество зарегистрированных малых предприятий, в том числе реально работающих, рассмотреть их отраслевую структуру, численность занятых и количество предприятий по отраслям экономики, географическое размещение малых предприятий по территории местного сообщества, провести группировку малых предприятий по численности занятых, определить среднюю численность работающих в расчёте на одно предприятие. Все это целесообразно рассмотреть в динамике за 3–5 лет и сделать выводы о степени развития малого бизнеса и его роли, вкладе в экономику местного сообщества.

Услуги

В процессе анализа следует выявить круг социальных, образовательных, развлекательных и культурных услуг, предоставляемых в местном сообществе. Они характеризуют степень привлекательности территории как места проживания и работы.

Основным методом определения объема и анализа услуг в местном сообществе являются шкалограммы экономической дифференциации населенных пунктов и социальной активности жителей района [2, с. 148–153]. Экономическая дифференциация, во-первых, показывает разнообразие форм экономической деятельности людей, извлекающих свои доходы путём удовлетворения потребностей своих земляков в товарах и услугах. Это отражает определённую степень взаимосвязи, взаимозависимости и, следовательно, взаимодействия между членами местного общества. Во-вторых, отражает возможности удовлетворения личных потребностей людей в товарах и услугах на территории местного сообщества. В этом смысле экономическая дифференциация – один из важных показателей качества жизни в местном сообществе.

При помощи данного инструмента анализа составляется шкала оценки экономической дифференциации населенных пунктов территории.

Таким образом, шкалограмма экономической дифференциации облегчает пространственное планирование развития района. Шкалограмма дает представление, как развиты потребности населения, в каком направлении следует исследовать вопрос: являются ли они для данного населенного пункта реально существующими, но не удовлетворёнными или такие потребности ещё не сформировались.

Для опосредованного измерения социальной активности населения составляется шкалограмма степени социальной активности населения в небольших сообществах.

Следует подчеркнуть, что шкалограммы экономической дифференциации и социальной активности, будучи методами косвенного, опосредованного анализа, не могут дать точного измерения исследуемого объекта. Ценность

иерархического подхода заключается в том, что он позволяет даже непрофессионалам использовать методы сравнительного анализа и на каком-то этапе обойтись без дорогостоящих методов сбора данных. Он даёт возможность плановикам интуитивно представить модель местного сообщества и определить целесообразность вмешательства в экономическую и социальную ткань сообщества и корректировки сложившихся дисбалансов до начала крупномасштабных проектов развития, которые могут увлечь непрофессионалов.

Кроме шкалограмм, в процессе анализа услуг изучается их структура, качество и уровень обеспеченности ими населения по видам (образование, здравоохранение, жилье, коммунальные услуги, соцзащита, торговля, бытовые услуги и т.д.).

Местные финансы

В ходе анализа оценивается достаточность финансовых ресурсов территории и возможности совершенствования их организации. Рассматривается действующая система формирования бюджета, его доходной и расходной части; анализируются местные налоги, их роль в доходах местного сообщества, определяются возможности снижения финансовых расходов территории и увеличения доходов.

Уровень жизни населения

Анализ уровня жизни позволяет оценить эффективность экономической и социальной политики, проводимой органами местного и государственного управления. В процессе анализа рассматривается динамика:

— интегральных показателей социального развития и уровня жизни населения (индекс развития человеческого

потенциала [1, с. 259–261], средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении);

- личных доходов населения;
- показателей расходов и потребления населения;
- показателей дифференциации населения по доходам и уровню жизни.
- показателей социальной сферы.

Динамика рассматривается в сравнении с другими местными сообществами или территорией более высокого территориального уровня (край, республика, страна).

Движение товаров, услуг и рабочей силы

Основная цель анализа – определение экономических границ местного сообщества. Оцениваются масштабы ввоза и вывоза материальных, трудовых, информационных ресурсов, определяются главные направления такого движения, влияние экспорта и импорта на социально-экономическую жизнь местного сообщества.

Итак, информационная база сегодня – важный ресурс развития территории, без которого невозможны оценка современного состояния и прогнозирование ее дальнейшего развития. Результаты анализа социально-экономического развития местного сообщества не только востребованы многочисленными внешними и внутренними пользователями, но и служат основой для определения сильных и слабых сторон функционирования местного сообщества и дальнейшей разработки стратегического плана развития территории. Вот почему, несмотря на слабую научную разработку в современной муниципальной науке рассмотренных нами вопросов, практическая потребность в них неуклонно возрастает.

Библиографический список

1. *Гусаров В.М.* Статистика: Учеб. пособие. М., 2001.
2. Стратегическое планирование в российских муниципалитетах. Муниципальное управление. М., 2000. Вып. 5.
3. *Blakely E.* Planning Local Economic Development. Theory and Practice. SAGE Publications. 1994.
4. *Shaffer R.* Community Economics: Economic Structure and Change in Smaller Communities. Iowa State University Press/ Ames, 1989.

РЕСУРСЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. Ю. Шнак, А. А. Коломийцев

Анализ содержания ресурсов политического лидерства, их мобилизации и использования в нормативном пространстве политической культуры дает возможность по-новому взглянуть на историю российских политических реформ последнего десятилетия, оценивая ее с учетом того, какими ресурсами общественного влияния пользовались те или иные политические лидеры. При этом следует оговориться, что мы не ставим себе целью рассмотреть весь политический спектр России и берем лишь наиболее показательные явления.

Думается, что с точки зрения эволюции содержания и практики использования в периоде, прошедшем с момента распада Советского Союза, условно могут быть выделены три существенно отличающихся друг от друга периода, в которых отражается динамика развития ресурсов политического лидерства.

Первый этап начинается с 1991 г. и продолжается по 1996 г., до момента победы Б. Ельцина на вторых выборах президента РФ. Особенностью данного периода служит то, что в это время отчетливо доминируют личностные и институциональные

ресурсы. Формально-институциональные ресурсы представлены прежде всего органами и учреждениями государственной власти, а также политическими партиями, среди которых наиболее заметны у «левых» – КПРФ, у «правых» – «Яблоко», ЛДПР занимала самостоятельную позицию, возглавляя тогда еще только зарождавшуюся часть политического спектра, которую сегодня именуют национал-патриотами. Все три партии имели ярко выраженных лидеров, персонифицировавших их политико-идеологические платформы.

Кроме того, следует отметить партии «второго эшелона», в основном правые, которые, как это стало ясно впоследствии, представляли собой ресурсы скорее в потенции, чем де-факто, поскольку не имели сильных (с точки зрения личных качеств) и ярких (с точки зрения имиджа) лидеров. На роль таковых конкретные политики в них претендовали номинально, в силу того, что были руководителями центральных органов этих партий. Сюда, на наш взгляд, относятся «Демократическая Россия» Е. Гайдара, Партия экономической свободы К. Борового и И. Хакамады.

С точки зрения ресурсов все названные партии были вполне оформлены: обладали более или менее развитой сетью организаций по стране, имели четко выраженные идеологические платформы, собственные программы и уставы. Однако «первый эшелон» помимо институциональных располагал еще и личностными ресурсами их лидеров. Последние независимо от того, как к ним относиться, обладали ярко выраженными индивидуальными лидерскими характеристиками: волей, интеллектом, и если не умением, то готовностью брать на себя ответственность, коммуникативными способностями, умением сплотить вокруг себя малые группы единомышленни-

ков – «ведомых», умением сформировать круг преданных сторонников среди руководителей низовых организаций и рядовых членов партии – пусть даже все названные качества у конкретных персон были выражены в разной степени.

Так, Г. Зюганова поддерживали и представители партийной номенклатуры ортодоксального крыла (например, Е. Лигачев), и молодое поколение, пришедшее в руководство КПСС в перестроечные годы (например, А. Лукьянов, А. Купцов). Их навыки и умения, которые нельзя недооценивать, исходя только из «идейного неприятия» коммунистической доктрины, опыт организационной работы, дисциплина, готовность работать на «первое лицо», безусловно, составили серьезные личностные коллективные ресурсы лидерства. При этом необходимо отдать должное и самому Г. Зюганову, обладавшему личностными индивидуальными ресурсами, которые позволили ему проявить себя в качестве сильного организационного лидера, сумевшего маневрировать между «старыми» (Е. Лигачев, И. Полозков) и «новыми» (В. Анпилов, А. Макашов) ортодоксами, с одной стороны, и «реформаторами горбачевского призыва» (А. Лукьянов, Н. Рыжков) – с другой. При этом как политический лидер-организатор Г. Зюганов сумел увидеть и продвинуть в руководство относительно молодых на тот момент и энергичных региональных партийных руководителей (например, Л. Иванченко, Н. Харитонов, ныне представляющего другую часть «левого» спектра – Аграрную партию России).

То же можно сказать и о «Яблоке», где Г. Явлинский – ярко выраженный лидер-интеллектуал, бесспорно, обладающий личностными индивидуальными ресурсами, сумел сформировать сильную (по крайней мере на тот момент) команду «молодых реформаторов», в которой были

вполне заметными и самостоятельными фигурами ролевые лидеры А. Болдырев, В. Лукин. (Единственным серьезным «недостатком» последних с точки зрения ресурсов лидерства послужило то, что они «дублировали» Г. Явлинского, вполне очевидно претендуя на роль интеллектуальных лидеров, что впоследствии могло послужить одной из причин разрыва с доминирующим лидером малой группы, каким был сам Г. Явлинский.)

Партии «второго эшелона», как представляется, не имели лидеров, располагавших серьезными индивидуальными личностными ресурсами: ни К. Боровой, ни Е. Гайдар по своим личностно-психологическим качествам не обладали достаточной волей, организаторскими и коммуникативными способностями, как и И. Хакамада, способная играть роль интеллектуального лидера, но оказавшаяся невостребованной.

Что касается ЛДПР, то В. Жириновский, по-видимому, выделялся как раз индивидуальными личностными ресурсами, позволяющими ему успешно выступать в роли коммуникативного лидера. В сочетании с максимальным использованием имиджевых PR-ресурсов это и позволило ему заработать немалый политический авторитет. Однако сколько-нибудь слаженной и работоспособной «команды» – малой группы, умеющей эффективно использовать институциональные ресурсы, он все же не создал.

Вообще-то последний случай в какой-то мере достаточно типичен, рассматриваемый период показывает нам немало политиков, обладающих индивидуальными личностными ресурсами, позволяющими им успешно выступать в роли коммуникативных лидеров, однако не обладающих (а точнее, не сумевших воспользоваться) институциональными ресурсами, показательным примером тому, на наш взгляд, служит М. С. Горбачев.

Наиболее серьезные институциональные ресурсы (помимо Г. Зюганова) с начала и до середины 1990-х гг. сумел, как представляется, аккумулировать Б. Ельцин, по сути переподчинивший себе аппарат государственной власти, оставшийся после распада Советского Союза. Обладая несомненными личными качествами лидера-организатора – политической волей, решительностью, т. е. индивидуальными личностными ресурсами, он также сумел создать и малую группу – «ближний круг» – влиятельных «теневых» политиков (таких, как Г. Бурбулис, О. Сосковец, В. Шумейко и др.) и использовал их индивидуальные способности в качестве личностного коллективного ресурса. В то же время объединенные в корпоративное сообщество, построенное на личных связях, эти люди, а также «теневые политики» меньшего масштаба (Н. Барсуков, П. Грачев, А. Коржаков, В. Юмашев и др.) составили неформально-институциональные ресурсы лидерства Б. Ельцина, позволившие ему справиться с парламентской оппозицией в 1993 г.

Так или иначе, по содержанию первый период характеризуется отчетливым преобладанием личностных (прежде всего индивидуальных) и институциональных (как формальных, так и неформальных) ресурсов лидерства. PR-ресурсы в конкурентной борьбе за власть и общественно-политическое влияние используются как вспомогательные. Некоторое исключение здесь составляет В. Жириновский, активно использующий для усиления своего общественно-политического влияния имиджевые ресурсы во время избирательных кампаний. Да и то, в последнем случае дело ограничивалось только формированием непосредственного имиджа, который строился на усиленной рекламе более или менее реальных личных достоинств политика без учета запросов и предпочтений

адресных социальных групп. Собственно таковые даже и не выделялись в рекламных кампаниях того времени, имидж создавался в расчете на общество в целом. Последнее, впрочем, вполне объяснимо, коль скоро и сами политические предпочтения россиян в отношении «портретных характеристик» лидера были еще не оформлены и дифференцировались в узком квазиидеологическом диапазоне «коммунист-консерватор – демократ-реформатор».

Еще одной специфической особенностью данного периода является то, что в становящейся, неоформленной политической культуре российского общества одновременно существуют оба типа мобилизации ресурсов лидерства, поскольку и сама политическая культура на уровне общества в целом, с одной стороны, сохраняет элементы автократической культуры, характерные для социальных слоев и групп, чьи политические интересы более или менее отражает модернизированная коммунистическая идеология; и, с другой стороны, уже формируются социальные слои и группы, чьи политические интересы и притязания связаны с развитием рынка, частной собственности, предпринимательства. Хотя все же следует признать, что для этого времени более свойствен экстремальный тип мобилизации ресурсов. Суть дела здесь заключается в следующем.

Первой причиной было то, что органы и учреждения государственной власти были представлены в первой половине 1990-х гг. людьми нередко противоположных политико-идеологических ориентаций, использовавших весь потенциал общественного влияния власти в непосредственном соответствии с прокламациями того или иного лидера, прежде всего Б. Ельцина и Г. Зюганова, которые персонифицировали противостоящие друг другу части политического спектра. Влияние данных лидеров

строилось на апелляции к корпоративной солидарности, основанной, с одной стороны, на самой принадлежности к постноменклатуре (т.е. на корпоративной солидарности государственных чиновников), с другой стороны, политико-мировоззренческой солидарности «консерваторов»-коммунистов и «реформаторов»-демократов. (По численному составу, степени организованности чиновничество было в этот период, пожалуй, самой сплоченной и представительной общественной группой.) Лидерские апелляции воспринимались как императив, как призыв к той или иной стратегии политического поведения; от «ведомых» требовалось точное и своевременное исполнение соответствующих команд. Достаточно вспомнить, какую роль в политической жизни общества в то время играла аппаратная борьба.

Иными словами, государственно-бюрократическая машина этого периода рассматривалась и лидерами, и «ведомыми», в ней задействованными, как ресурс политического влияния. Такая специфическая особенность того времени, как стирание четкой грани между формальными и неформальными институциональными ресурсами, во многом объясняется тем, что взаимоотношения лидера и «ведомых» основываются на корпоративной солидарности, которая вполне обходится без самой идеи сотрудничества и правовых регулятивов, составляющих необходимые условия партнерского типа мобилизации ресурсов. Экстремальный же тип был наиболее адекватным ситуации как раз благодаря подобной редукции, т.е. сведению политических функций органов и учреждений государственной власти к проявлению корпоративной солидарности с лидером, представляющим ту или иную группу интересов чиновничества. Соответственно, наиболее эффективными технологиями практиче-

ского использования ресурсов становятся суггестивные и манипулятивные. Первые являлись вполне привычным и легитимным элементом политической культуры, доставшимся в наследство от советского общества, и были наиболее хорошо освоены. Вторые давали возможность изменять неоформленное еще правовое пространство политической культуры в интересах тех или иных корпоративных групп, как коммунистов, так и демократов.

Второй причиной распространенности экстремального типа мобилизации ресурсов, основанного на «векторной» односторонней коммуникации лидера и «ведомых», где последние делегируют первому безусловное право принятия решений, оставляя за собой обязанность их исполнять, было то, что он широко использовался в самой массовой партии первой половины 1990-х г. – КПРФ. Здесь партийная дисциплина, подкрепленная политикомировоззренческими нормами уставных и программных документов партии, делала излишним, даже трудно применимым партнерский тип мобилизации, суггестивные технологии практического использования ресурсов формировали эмоциональную мотивацию политического поведения, спекулируя на патриотизме, идеологических клише вроде пресловутой «экспансии Запада», «порабощения страны иностранным капиталом» и т.п. (Нелишне вспомнить также, что и сами политические доктрины данной партии носили интегративно-императивный характер, что делало вполне «естественным» экстремальный тип мобилизации ресурсов.)

Личный авторитет и своеобразная харизма В. Жириновского, его стремление стать над партией в качестве своеобразного пророка, вождя, трибуна, как тогда, так и поныне, обусловили бесспорное преобладание экстремального типа и применение все тех же суггестивных

технологий мобилизации ресурсов в наиболее радикальном «алармистском» варианте. (Его суть состоит в формировании у адресной социальной общности фрустрированного восприятия действительности, когда наличное положение дел в обществе оценивается как социальная катастрофа, единственным выходом из которой служит немедленное исполнение требуемых лидером-вождем действий. К слову сказать, этот вариант суггестивных технологий широко использовался и радикалами из «левого» лагеря В. Анпиловым и И. Тюлькиным.)

Партнерский тип мобилизации ресурсов в этот период наиболее характерен для «Яблока», «Демократической России», а также партий «второго эшелона». Он основывается на апелляциях к идее сотрудничества лидера и «ведомых», при этом сама идея социального партнерства легитимизируется политико-мировоззренческими нормами, прописанными в программных и уставных документах. «Яблоко», «Демократическая Россия» и другие партии этой части политического спектра фактически опирались на новую становящуюся демократическую политическую культуру общества. Это обусловило и то, что наиболее эффективными в данном случае стали организационные технологии практического использования ресурсов.

В любом случае первый период (т.е. временной промежуток с 1991 по 1996 г.) характеризуется преобладанием институциональных и личностных ресурсов лидерства, PR-ресурсы играют вспомогательную роль и практически не выходят за рамки простейших имиджевых конструкций. Нормативное пространство политической культуры еще только оформляется, при этом наиболее значимым (хотя и недифференцированным, дихотомичным, делящим политическую сферу жизни общества по принципу противопоставления «коммунисты» – «демо-

краты») является третий пласт политической культуры – пласт, характеризующий предпочтения, запросы и ожидания обывателей по отношению к лидерам. В то же время интенсивно формируется второй пласт – политикомировоззренческая система регулятивов политического поведения, при этом она также дифференцируется на два типа, каждый из которых опирается на свои элементы политической культуры общества в целом: одни регулятивы – на то, что осталось от автократической политической культуры советского общества, другие – на формирующуюся демократическую политическую культуру. Соответственно, сосуществуют одновременно и два типа мобилизации ресурсов – экстремальный и партнерский.

Если рассматривать последнее десятилетие российской истории через призму становления ресурсов политического лидерства, то 1996 г. условно можно считать переломным. Во-первых, вторая победа Б. Ельцина на выборах отчетливо показала, что при прочих равных условиях (в данном случае при сопоставимых или примерно равных институциональных и личностных ресурсах) PR-ресурсы могут стать решающим фактором победы лидера в политической борьбе, т. е. они не только могут, но и должны рассматриваться в качестве вполне самостоятельного вида ресурсов. Во-вторых, изменяется само понимание того, что такое PR-ресурсы, и вместо имиджевой разновидности, которая была призвана как бы иллюстрировать «почти очевидные» личные достоинства лидера/вождя, начинает широко использоваться маркетинговая разновидность. Суть дела здесь сводится к тому, что имидж политического деятеля строится не столько исходя из того, что реально характеризует данную персону, сколько из того, что ожидают те или иные социальные группы, его поддерживающие (или могущие под-

держать). Выражаясь определеннее, можно сказать, что имидж политического лидера начинает рассматриваться как товар, предназначенный для потребления «ведомыми» и при этом «продается» не то, что есть, а то, что пользуется «спросом». Имидж все более становится виртуальным и все меньше отражает личностные особенности конкретного политика. (К слову сказать, эта тенденция продолжается и поныне. На сегодня уже выработан определенный минимальный стандарт облика и поведения политического лидера независимо от его политико-идеологических ориентаций и особенностей натуры. Исключение составляет лишь В. Жириновский, занявший свою нишу в политическом спектре в силу специфических дарований демонстративного типа личности.)

Более того, стратегия и тактика PR-кампаний по созданию и продвижению имиджа начинает напрямую увязываться со стратегией и тактикой политической борьбы. Успешное использование PR-ресурсов становится ключевым условием успеха при прочих равных условиях. Весьма показательна в этом отношении предвыборная кампания Б. Ельцина в 1996 г. Конец 1995 г. и успех коммунистов на выборах в Государственную Думу поставили вопрос о дальнейшей судьбе новой политической элиты, представленной теми, кто причислял себя к сторонникам реформ. Рейтинг популярности Г. Зюганова по стране в целом был вполне сопоставим с рейтингом Б. Ельцина, а во многих регионах, получивших впоследствии название «красного пояса» даже превышал его [2]. В этих условиях PR-кампании по предвыборной агитации начинают строиться по принципу «из двух зол меньшее». Актуализируются не столько позитивные черты имиджа Б. Ельцина, изрядно к тому времени потускневшего, сколько то, что соответствовало доминантам восприятия

избирателей, а такой доминантой являлось ожидание твердой руки (наиболее привлекательными были воля, характер, решительность, даже с некоторой долей авантюристичности), способной предотвратить хаос в стране и избежать раскола общества на уровне открытого гражданского противостояния. В это время за счет манипулятивных технологий «отсекаются» от СМИ, а следовательно, лишаются возможности максимально эффективно использовать PR-ресурсы лидеры коммунистов. Их образы целенаправленно формируются пропрезидентскими СМИ и формируются как заведомо отрицательные, доминантой образов коммунистических лидеров В. Анпилова, А. Макашова, Г. Зюганова становятся агрессия, «мстительность», желание взять реванш и «свести счеты» — именно так интерпретировались заявления лидеров КПРФ о необходимости восстановить социальную справедливость по отношению к «ограбленному народу». Строго говоря, сами лидеры «левых» за исключением, пожалуй, Г. Зюганова, действительно делали эпатажные декларации (хотя, наверное, ничуть не более скандальные, чем поведение Б. Ельцина и близких к нему олигархов), что немедленно обыгрывалось «демократическими» СМИ. Смысл борьбы здесь заключался в том, что каждое выступление «левых» радикалов пропрезидентские СМИ превращали в событие политической жизни, тем самым формируя у обывателей представление о надвигающейся социальной катастрофе. Справедливости ради следует заметить, что Г. Зюганов вовремя оценил опасность такого политико-идеологического радикализма и попытался расширить социальную базу КПРФ, делая акцент на том, что партия ориентируется на политические ценности социал-демократии, однако неоортодоксальное крыло быстро скорректировало «ревизионистские» настроения

своего лидера, окончательно замкнув его исключительно на прокоммунистический электорат и, по сути, лишив шансов на победу во втором туре.

Иными словами, выборы 1996 г. показали, какие возможности роста политического влияния дают PR-ресурсы (прежде всего маркетинговые) в принципе и насколько эффективными могут быть манипулятивные и организационные технологии их практического применения.

Отличительными особенностями второго периода, продолжавшегося, на наш взгляд, вплоть до выборов 1999 г. в Государственную Думу и досрочного окончания президенства Б. Ельцина, служит следующее.

Во-первых, третий пласт нормативного пространства политической культуры, т. е. политические предпочтения и социальные ожидания носителей обыденного сознания, обращенные как к реальным, так и к потенциальным лидерам, теряют «черно-белый» характер и содержательно дифференцируются. При этом такая дифференциация предпочтений существенно изменяет установки восприятия имиджа политического лидера. Значительно теряют свою актуальность идеологические и личностные характеристики лидеров (как раз те характеристики, которые были наиболее значимы в первый период).

Так, согласно опросу, проведенному представителями Фонда «Общественное мнение» С. Г. Климовой и Т. В. Якушевой в первой половине 2000 г., из четырех фиксированных групп качеств в образах политиков личностные и идеологические оказались соответственно на четвертом (предпоследнем перед диффузными оценками) и третьем местах [1]. При этом абсолютные показатели также невелики, за исключением идеологических у Г. Зюганова и А. Тулеева и личностных у В. Путина и В. Жириновского. (Мы считаем правомерными ссылки на

опрос, проведенный через полгода после окончания второго периода, поскольку образы восприятия политиков не меняются в одночасье и ситуация, зафиксированная в начале 2000 г., вполне адекватно отражает изменения, произошедшие за весь период с 1996 по 1999 г.)

За данный период на первое место в имиджевых характеристиках выходят деловые, на второе – нравственные качества, в этих же категориях наиболее высоки и абсолютные показатели. Это говорит о том, что изменяется не только содержание установок восприятия, предпочтений и ожиданий по отношению к политическим лидерам, но и степень их значимости. Появляются совершенно новые стандарты имиджей, которые, по мнению авторов опроса, носят не универсальный, а функциональный характер: «агитатор», «хозяин», «интеллигент» и др. [1, с. 74–80].

Таким образом, социальные группы – носители обыденного сознания – существенно дифференцируются в ожиданиях и установках восприятия политических лидеров. Третий пласт нормативного пространства политической культуры отчетливо структурируется и становится содержательно богаче [1, с. 81], что само по себе создает объективные условия для партнерского типа мобилизации ресурсов, поскольку социальные слои и группы начинают отчетливо осознавать свои специфические интересы, персонифицированные в том или ином политическом лидере, поддержку которому они оказывают.

Аналогичные трансформации происходят и во втором пласте политической культуры – политико-мировоззренческих регулятивах политической деятельности. Программные и уставные документы политических партий и организаций за этот же период начинают существенно отличаться друг от друга в трактовке «широких» норм,

на понимание которых тем или иным коллективным субъектом оказывают влияние корпоративные ценности и приоритеты. Отчетливо дифференцируется не только «правая» часть политического спектра, где из прежних крупных политических партий сохраняется только «Яблоко», которое становится умеренным по сравнению, скажем, с Союзом правых сил. Выделяется пока еще недостаточно структурированный и дифференцированный «центр», где «Отечество» (Ю. Лужкова), «Медведь» и другие оказываются в одной части политического спектра не столько по идеологическим основаниям, сколько по прагматическим целям и задачам деятельности.

Дифференцируются и «левые», где отчетливо выделяются умеренные, например, Аграрная партия России, КПРФ, и радикальная часть, персонифицированная В. Анпиловым, А. Макашовым, А. Тюлькиным. Отдельную нишу занимают национал-патриоты, к которым эволюционировала ЛДПР, здесь же находятся РНЕ, Республиканская партия России и национал-большевики Э. Лимонова.

Все это приводит к тому, что объективно экстремальный тип мобилизации ресурсов может локализоваться только в рамках политической партии или организации, где лидер выступает в роли безусловного политико-идеологического авторитета, вождя. Таковыми в рассматриваемый период остаются, на наш взгляд, только ЛДПР, РНЕ и национал-большевики Э. Лимонова. Это партии, ориентированные на узкую, но достаточно однородную социальную базу, политико-мировоззренческие представления которой по-прежнему позволяют эффективно использовать суггестивные технологии.

На уровне общества в целом в политико-мировоззренческом пространстве начинает доминировать партнер-

ский тип мобилизации ресурсов, что, в общем-то, вполне естественно, поскольку, с одной стороны, дифференцированность политико-идеологических платформ и программных приоритетов даже в одной части политического спектра (не имеет значение о «правых» или «левых» идет речь) делает неизбежной необходимость политического диалога. С другой стороны, практические задачи реформ, необходимость защиты национальных интересов страны в целом вынуждают политических противников искать компромиссы и заключать рабочие соглашения. В этих условиях наиболее эффективными оказываются организационные технологии практического использования ресурсов, притом наиболее востребованы институциональные ресурсы и маркетинговые PR-ресурсы.

Третий период, начинающийся с выборов 1999 г. в Государственную Думу и с приходом к власти В. Путина, характеризуется в первую очередь интенсивным оформлением третьего пласта нормативного пространства политической культуры – правовых регулятивов деятельности политика.

Даже представители правящей элиты вынуждены подчиняться законодательству о выборах (что, в общем-то, не было характерно для второго периода, достаточно вспомнить, как легко до этого перекраивалось законодательство субъектов федерации, позволяя действующим главам переизбираться на третий срок подряд при установленных федеральным законом двух). При этом характерна не столько интенсивная разработка конкретных нормативных актов, определяющих законность действий как политических лидеров, так и партий (организаций) (формально соответствующие нормы существовали и в предшествующие два периода), сколько оформление процедуры практического применения. Правопримени-

тельная практика в политической сфере общественной жизни начинает регулироваться «узкими» нормами, необходимые процедурные пояснения и комментарии становятся прерогативой Конституционного суда и тем самым выводятся из-под действия «широких» норм, в толковании которых прежде политические партии и их лидеры принимали самое активное участие. Становление правовой системы регулятивов сделало если не невозможным, то, по крайней мере, весьма затруднительным делом организацию PR-кампаний по формированию общественного мнения, оказывающего давление на власть. По сути дела, такие формально-институциональные ресурсы, как органы и учреждения исполнительной власти (и федеральной, и региональной), выводятся из-под возможного контроля политических лидеров, отныне их действия определяются правовыми нормами, исключаящими исполнительную власть из политических процессов, связанных с конкурентной борьбой партий и организаций. Установление жестких правовых норм – «правил игры» в борьбе за общественное влияние – позволило вытеснить в аутсайдеры политического процесса национал-патриотов, долгое время остававшихся катализатором межэтнической напряженности.

Теперь формально-институциональные ресурсы ограничиваются официально зарегистрированными и открыто действующими партиями и организациями, существенно снижается роль неформально-институциональных ресурсов: всевозможных групп давления, корпоративных сообществ и кланово-клиентельных объединений – красноречиво иллюстрирует эту ситуацию судьба так называемых олигархов, творивших «большую политику» во втором периоде. (Примеров, иллюстрирующих описанное положение дел, в указанный период появляется дос-

таточно много: от снятия кандидатов на губернаторских выборах, как, скажем, А. Руцкого, до неудачного выступления «Единства» на выборах в Государственную Думу РФ, когда затраченные на избирательную кампанию средства намного превосходили полученные результаты, хотя, казалось бы, эта пропрезидентская партия должна быть безусловным фаворитом.)

Партнерский тип мобилизации ресурсов становится доминирующим во всех частях политического спектра, к идее социального партнерства обращаются все политические лидеры, хотя, разумеется, и с разных политико-идеологических позиций, от Г. Зюганова до Г. Явлинского и И. Хакамады. Исключение составляют крайне «левые», например, В. Анпилов и А. Макашов, которые именно в силу своей ортодоксальности стремительно теряют социальную базу поддержки. Экстремальный тип мобилизации ресурсов сохраняет также ЛДПР, испытывающая те же трудности, что и «левые радикалы».

Таким образом, распространение партнерского типа мобилизации ресурсов свидетельствует о все более полном становлении демократической и вытеснении элементов автократической политической культуры, последние все более воспринимаются общественным сознанием как реликты советской эпохи. Идея социального партнерства активно пропагандируется и В. Путиным, чей рейтинг в качестве общенационального лидера на сегодня достаточно высок, что объясняется отнюдь не занятием президентского кресла. (Для сравнения достаточно вспомнить, как непопулярен был Б.Ельцин в последние месяцы своего правления.)

В свою очередь, распространение партнерского типа мобилизации ресурсов в новых условиях (т. е., в условиях развития демократических институтов) привело к со-

ответствующему развитию и распространению организационных технологий практического использования ресурсов политического лидерства. Манипулировать правовыми нормами как раньше, оказывая давление на органы законодательной власти, коллективные субъекты политического процесса (партии, организации, движения) уже не могут в силу возросшего влияния судебной власти (прежде всего Конституционного суда), с одной стороны, и возросшего профессионализма правовой культуры законодателей – с другой. В пользу данного утверждения говорит хотя бы тот факт, что в избирательных комиссиях на местах все меньше допускается прямых нарушений закона, все труднее становится использовать административные ресурсы и все большее применение получают так называемые технологии снятия, когда конкуренты ловят друг друга на формальных нарушениях законодательства о выборах и на этом основании подают судебные иски. Суггестивные технологии в более или менее «чистом» виде используют только упоминавшиеся аутсайдеры политического процесса, мобилизующие ресурсы лидерства по экстремальному типу.

В заключение необходимо отметить следующее. Поскольку третий период, на наш взгляд, не закончился, мы в состоянии судить только о перспективах политического процесса применительно к развитию ресурсов лидерства. Здесь же следует сказать, что партнерский тип мобилизации будет, по-видимому, все более доминировать в силу того, что общество интенсивно дифференцируется на социальные слои и группы. С одной стороны, они осознают свои собственные особые интересы; с другой стороны, у них появляется понимание того, что возможность удовлетворения таких интересов и притязаний в значительной степени связана с установлением в обществе единых

«правил игры» в политической конкуренции (т. е. с развитием правовой культуры, а значит, и укреплением правовой системы регулятивов политической деятельности в нормативном пространстве политической культуры).

Данные обстоятельства позволяют предположить, что использование институциональных ресурсов в основном будет определяться именно правовой системой регулятивов. При этом вполне естественными представляются дальнейшая дифференциация и структурирование формально-институциональных ресурсов. Содержание такого процесса сводится к следующему: органы и учреждения исполнительной власти будут выводиться из сферы конкуренции политических интересов. Последние локализуются только в сфере законодательной власти (не случайно такие политические «долгожители», как «Яблоко» и КПРФ, превращаются в парламентские партии), все больше будет формализоваться соответствующей процедурой внутренний регламент работы органов законодательной власти.

Блоки, коалиции или противостояния политических партий и организаций будут определяться политико-мировоззренческой системой регулятивов нормативного пространства политической культуры, так же, как и внутрипартийные (внутрикоалиционные) взаимоотношения лидер – «ведомые». По нашему мнению, именно на этом политико-мировоззренческом уровне будут наиболее востребованы личностные и PR-ресурсы. При этом личностные ресурсы, как индивидуальные, так и коллективные, будут определять устойчивость взаимоотношений лидер – «ведомые» (где последние представлены малой группой убежденных сторонников данного политика); имиджевые PR-ресурсы будут обуславливать степень влияния данного политика на широкий круг членов пар-

тии и организации (так называемый внутренний PR). Здесь, по-видимому, широкое применение найдут организационные технологии практического использования ресурсов.

Что касается установок восприятия, ценностных предпочтений и ожиданий широких слоев населения (т.е. третьего пласта регулятивов политической культуры), то здесь, на наш взгляд, в основном будут по-прежнему востребованы как имиджевые, так и маркетинговые PR-ресурсы (первые связаны с формированием образа лидера и представляемой им партии, вторые – с «продвижением» этого образа в предпочтениях широких слоев населения.)

Резонно предположить, что все большая функциональная дифференциация практического использования ресурсов лидерства повлечет за собой и все большую профессионализацию как собственно политической деятельности лидера, так и деятельности обслуживающих его «команд» политтехнологов.

Подобное положение дел, в общем-то, вполне ЕСтественно, если учесть, что становящаяся демократическая политическая культура общества превращается в сложную систему взаимозависимости и взаимосвязи между лидером и его сторонниками.

Библиографический список

1. Климова С.Г., Якушева Т.В. Образы политиков в представлениях россиян (по материалам социологического исследования) // Полис. 2000. № 6.
2. Чугров С. Электоральное поведение российских регионов // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 6.

МАКС ВЕБЕР О СМЫСЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

А. Г. Куценко

Любая избирательная кампания, построенная на демократических принципах, происходит в среде политической конкуренции, т. е. в атмосфере соперничества между различными политическими силами. Смысл политической конкуренции заключается в получении влияния над массами или над определенными слоями и группами избирателей.

Причины конкуренции лежат в специфике политики как особой сферы жизни общества. Политика – это прежде всего отношения власти. А если власть дает огромные права тем, кто ее осуществляет, то неизбежно возникает борьба за право участвовать в осуществлении власти. Эта борьба может приобретать разные виды и формы, быть неявной или открытой, вестись в рамках закона или насильственно. В ней могут участвовать небольшие группы, а могут вовлекаться и массы. Данная особенность политики позволяет говорить о ней как о сфере конкуренции и даже конфликтов между различными социальными и политическими силами в борьбе за влияние и власть.

Древнегреческий мудрец Протагор утверждал, что политика возможна потому, что искусство выбора присуще гражданам полиса от природы. Ту же мысль мы встречаем и у Фукидида. Он противопоставлял разумный поступок случаю, слово – делу, закон – природе, мир – войне. История у него превращалась в гигантскую сцену политических столкновений, где замыслы одних государственных мужей наталкиваются на замыслы других, под-

вергаются испытанию действительностью, случаем, делом, наконец, природой.

Конкуренция и конфликтность также присутствуют во всех аспектах социальной жизни и в современных условиях. Укрепление авторитета действующего президента, премьер-министра, губернатора и прочих всегда происходит на фоне ослабления влияния оппозиции. Из нескольких вариантов законопроектов парламент принимает только один. Победа одного кандидата на выборах неизбежно означает поражение остальных и т.д. Иными словами, конкуренция пронизывает всю сферу политических отношений, превращаясь в важнейший ингредиент политики.

Политическая конкуренция имеет существенные отличия от политического конфликта: конкурентная борьба отличается от политического конфликта тем, что ее участники следуют определенным нормам и правилам, которые сложились в данном обществе, её участники ориентируются на нормы и правила, регулирующие порядок достижения поставленной цели. Например, лидеры крупных партий ведут предвыборную борьбу за пост президента страны. В своих действиях они ориентируются на существующее законодательство, регламентирующее порядок ведения предвыборной кампании. Конкурентная борьба за пост президента или губернатора может быть острой, сопровождаться взаимными выпадами и применением методов PR, в том числе в ряде случаев и «черного», но при этом все же остается в большей или меньшей степени в пределах «правового поля». Поскольку конкурентная политическая борьба ориентирует ее участников на соблюдение основных принципов политического нормативного порядка, она не направлена на разрушение политической системы общества.

Специфика политических конфликтов, в отличие от политической конкуренции, заключается в том, что вступающие во взаимодействие люди или партии, стремясь к своим целям, начинают использовать все способы воздействия на противников, в том числе и те, которые выходят за рамки конвенционального законодательства. В итоге в отношениях между конфликтующими сторонами быстро нарастает напряженность, появляется противостояние, когда ни одна из сторон не желает идти на уступки, демонстрируя свою непримиримость. Конфликты обычно сопровождаются агрессивными действиями с обеих сторон, которые в экстремальных ситуациях могут перерасти в вооруженные столкновения. Иными словами, если политическая конкуренция использует насильственные действия, она превращается в конфликт.

Политические конфликты, когда в них вовлекаются значительные силы, могут дестабилизировать ситуацию в обществе, привести к радикальному обновлению политической системы, если в конфликте одержат верх те, кто выступает против существующего политического порядка и ориентируется на противоположные политические ценности. Высшей формой политического конфликта являются революции и гражданские войны, когда в конфликтное противостояние вовлекаются значительные массы людей. Рассуждая о неизбежности конфликтов, отечественный исследователь А. М. Салмин подчеркивает в одной из своих статей: «Напряженность в отношениях между культурами, перерастающая иногда в открытые конфликты, – такая же константа социальной организации, как межконфессиональные, межнациональные, межэтнические, межплеменные, межрасовые, межстратовые, межклановые и другие противоречия и столкновения. Участники конфликтов и войн всегда находят, как

«объяснить» суть противостояния, апеллируя к тем или иным референтным группам. В разных контекстах те или иные идентичности могут выходить на первый план или отступать в тень. И в наши дни, возможно, кризис как «классовой», так и «национальной» идеологий приведет к усилению внимания к конфессиональным, расовым и прочим оппозициям, которые в действительности никогда и никуда не исчезали, но несколько сглаживались более или менее строгими требованиями, с одной стороны – «пролетарским интернационализмом», с другой – либеральной «политической корректностью» [5, с. 5].

Несмотря на имеющиеся различия, граница между конкуренцией и конфликтом достаточно условна, так как, во-первых, не всегда удастся четко зафиксировать отход политических акторов от политических норм, нарушение ими общественных правил; во-вторых, нередко сами эти нормы и правила допускают двусмысленное толкование. Таким образом, при определенных допущениях конкуренция может быть рассмотрена как определенный тип политического конфликта. Так, группа воронежских исследователей под руководством А. В. Глухой предлагает рассматривать в качестве либеральной «модель конфликта, в котором его субъектами выступают группы интересов, предметом конфликта является дефицит ресурсов и властных позиций, а его формой – электоральная конкуренция в рамках представительской системы» [4, с. 19–20]. Такой в целом либеральный вариант конфликта авторы противопоставили социалистической авторитарно-консервативной интерпретации.

«Классический» либерализм в целом исходит из того, что конкуренция за занятие правительственных и публичных постов осуществляется в соответствии с принципом «равных возможностей». Однако, хотя отбор канди-

датов и происходит по их достоинствам, «классические» либералы подчеркивают, что принцип конкуренции не может быть применен к обществу в целом, поскольку оно не имеет ни общих представлений о наиболее желательных видах деятельности, ни критериев оценки уровня квалификации для исполнения поставленных задач. Кроме того, установление всеобъемлющего критерия справедливости для общества в целом привело бы к систематическому вмешательству в свободу и права собственности граждан.

Американский политолог Дж. Пассмор даже ввел понятие гражданской справедливости, тесно связанное с понятием конкуренции. Он пишет, что «за исключением случаев наказания или неспособности, никто не должен исключаться из участия в любой форме желательной деятельности, если только нет необходимости в конкуренции за участие в ней, когда предпочтение должно быть отдано более компетентному перед менее компетентным» [10, р. 26]. Его в целом меритократическая теория справедливости рассматривает общество как совокупность множества конкуренций, каждая из которых должна быть организована таким образом, чтобы наиболее компетентный человек всегда выигрывал. Следовательно, либеральное понятие гражданской справедливости противоречит концепции социальной справедливости, как ее понимают неолибералы и социалисты. Вместе с тем решающую роль в таком подходе играет именно концепция конкуренции.

Так, с точки зрения исследователей, конфликтологи-социалисты исходят из противопоставления государства и общества. По их мнению, государство в перспективе будет упразднено в пользу саморегулирующегося общества. Они разрабатывают историческую теорию, бази-

рующуюся на модели классового конфликта, предмет которого составляют отношения собственности на средства производства, а форму – политические и социальные революции.

Авторитарно-консервативные теоретики конфликта, критиковавшие либеральную парламентскую демократию, развивали взгляд, призванный решить главную, с их точки зрения, проблему – сохранения стабильности общества, в силу чего исходили из конфликта «элита-массы», предметом которого выступала политическая власть, властные статусы и роли, а формой – внутри-элитная конкуренция и смена («циркуляция») элит. Так или иначе, все названные подходы ставили в центр своего анализа проблемы взаимодействия групп интересов (либералы), классов (марксисты) и элит (консерваторы) в политическом пространстве. Однако выбор объекта исследования не может быть жестко привязан к политико-идеологическому разграничению. Подходы взаимодействовали друг с другом, их смешение нередко приводило к видоизменению понятий.

Условием конкуренции выступает групповая идентификация.

Основания исследования политической конкуренции как «мягкой», упорядоченной формы политического конфликта были заложены Максом Вебером. В работе «Основные социологические понятия» он связал конкуренцию с понятием борьбы. «Борьбой социальное отношение называется постольку, – писал Вебер, – поскольку действие ориентировано на намерение осуществить свою волю вопреки сопротивлению партнера или партнеров. «Мирными» называются те средства борьбы, которые не предполагают непосредственного физического насилия. «Мирная» борьба называется конкуренцией, ес-

ли она ведется как формально мирное состязание за возможность распоряжаться теми шансами, которые возде-
ляют также и другие (действующие). Конкуренция назы-
вается «регулируемой конкуренцией», если по своим це-
лям и средствам она ориентирована на некоторый поря-
док» [1, с. 117].

Этот порядок, по Веберу, может выражаться как в ус-
ловиях рыцарской борьбы и регулируемой борьбы-игры
(спорта), так и конкурентной борьбы за рынки и предвы-
борной борьбы, регулируемой определенным избира-
тельным законодательством. И далее: «Всякое типичным
и массовым образом происходящее борение и конкури-
рование приводит, несмотря на множество важнейших
случайностей и роковых событий, в конце концов к «от-
бору» тех, кто в наибольшей мере обладает личностными
качествами, в среднем, имеющими важное значение для
победы в борьбе. Каковы эти качества – большая ли фи-
зическая сила или беззастенчивое лукавство, большая ли
интенсивность духовной производительности или мощь
легких и техника демагога, большее подобострастие по
отношению к начальству или по отношению к улещае-
мым массам, больше оригинальной способности к твор-
честву или больше социальной способности к приспособ-
лению, больше качеств, которые считаются необыч-
ными, или больше таких, которые находятся, как счита-
ется, на среднем массовом уровне, – все здесь решают
условия борьбы и конкуренции, к которым, наряду с о
всеми мыслимыми индивидуальными и массовыми каче-
ствами, относятся также и те порядки, на которые тради-
ционным, ценностно-рациональным и целерациональным
образом ориентируется поведение при борьбе» [1, с. 118].

Макс Вебер придавал демократическому политиче-
скому участию граждан относительно небольшое значе-

ние. Он исходил из того, что придется заплатить высокую цену за жизнь в современном, индустриально-развитом обществе, и этой ценой становится весьма ограниченная демократия. Какую же роль в этом случае играет политическая конкуренция?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать взгляды Вебера на демократию. Английский политолог Дэвид Хелд назвал веберовскую теорию демократии «элитистской демократией» [8, р. 158]. Сам Вебер написал на эту тему не так уж много, однако его анализ современного индустриального общества позволяет сделать вывод о том, что именно данную модель демократии он имел в виду в своем исследовании современного капитализма. По его мнению, целый ряд процессов в области культуры, экономики и политики подрывает либеральную политическую культуру, главным образом свободу выбора и свободу действий ради достижения определенной цели. Хотя Вебер и был сторонником индивидуализма и социального плюрализма, он сомневался, что их удастся сохранить в условиях быстрого роста всевозможных организаций, будь то компании, профсоюзы, массовые партии или национальные государства.

В отличие от многих либеральных теоретиков, которые сначала рассуждали о наиболее желательных формах политической организации, а затем с выведенными ими самими образцами сравнивали и оценивали реально существующие политические организации, Вебер пошел по другому пути – от анализа фактического положения дел к рассмотрению конкурирующих возможностей дальнейшего развития политического устройства [2, с. 10–41]. Представления Вебера о специфике становления современного общества привели его к обоснованию определенной концепции демократии

Вебер попытался переосмыслить либеральную дилемму нахождения баланса между властью и правом, бюрократическим правлением и народным суверенитетом, т. е. изменения, которые вносит в политическую жизнь современность. Он предложил пересмотреть традиционные доктрины «классического» либерализма, в то же время противопоставив свои аргументы теоретическому марксизму.

Вебер в целом принял марксистский анализ капиталистической системы, одновременно отвергнув политические аспекты теории Маркса, в частности, идею пролетарской революции. Во-первых, Вебер принял тезис о том, что классовая борьба, имевшая место на протяжении всей истории человечества, и особенно отношения между капиталистами и эксплуатируемыми рабочими при капитализме, имеют определяющее значение для объяснения многих аспектов современной экономики и политики. Он согласился с тем, что класс – главный элемент экономических отношений, в основе которых лежат отношения собственности, а также с тем, что зарождение современного капитализма сопровождалось формированием лишенных всякой собственности рабочих, вынужденных продавать свой труд владельцам капитала ради выживания. В то же время он отказался от теории прибавочной стоимости, концептуализируя понятие «класс» без акцента на эксплуатации. По Веберу, классы – это просто совокупность индивидов, обладающих сходными «жизненными возможностями» на рынке труда и товаров.

Во-вторых, Вебер рассматривал промышленный капитализм как чисто западный по своему происхождению феномен, включающий определенные ценности и типы деятельности, отличающиеся от ценностей и типов деятельности в других цивилизациях [3, с. 62–272]. Это от-

носится прежде всего к «рационалистическому» типу капиталистического производства, выходящему за пределы исключительно предпринимательской деятельности.

Рационализация современного мира имеет далеко идущие последствия, включая разрушение системы ценностей и веры, дававших ранее ясную и понятную интерпретацию смысла жизни. Религиозные взгляды уступают место более подвижным воззрениям в форме политических и философских доктрин.

В-третьих, Вебер полагал, что рационализация неизбежно будет сопровождаться распространением бюрократии. Когда Маркс и Энгельс писали о бюрократии, то они имели в виду гражданских служащих, бюрократический аппарат государства. Вебер распространил это понятие на все формы крупномасштабных организаций: не только на государства, но и на промышленные предприятия, профсоюзы, политические партии, университеты и даже больницы. Он был согласен с Марксом, что бюрократия по сути своей крайне недемократична, поскольку бюрократы не относятся к массе населения, в отношении которого они принимают управленческие решения. В такой ситуации масса неизбежно становится объектом деятельности властей.

Идею о том, что государство, в том числе и его бюрократическая организация, паразитирует на обществе, мы также находим у Маркса и его последователей, включая и В. И. Ленина. Однако централизованное правление в современном обществе представляется неизбежным. Вебер пришел к этому выводу, внимательно проанализировав прямую демократию и сделав вывод о ее непрактичности. Под прямой демократией, Вебер понимал систему принятия решений в отношении общественных дел, в которой граждане принимают непосредственное участие.

Он отнюдь не считал такую систему невозможной, но, по его мнению, она может быть эффективной, если только организация отвечает условиям, определенным им в работе «Экономика и общество»:

1) организация носит локальный характер и имеет небольшую численность своих членов;

2) социальное положение членов организации не слишком различается;

3) административные функции относительно просты и неизменны;

4) исполнение функций требует минимальной подготовки.

Прямая демократия, таким образом, предполагает равенство участников при минимальных социальных и экономических различиях между ними. Такой тип правления существовал в среде аристократии в итальянских городах-государствах позднего Средневековья, в некоторых малых городах США, а также в университетской среде ряда стран.

Тем не менее, считал Вебер, масштабы, сложность и разнообразие современных обществ делают прямую демократию неадекватной в качестве модели политического регулирования и контроля. Целью прямой демократии, по Веберу, является ограничение господства до минимальной степени, однако в сложносоставном обществе прямая демократия неизбежно будет иметь своим следствием неэффективное управление, политическую нестабильность и в конечном счете рост вероятности (в полном соответствии с указанием Платона) репрессивного правления меньшинства. Такое развитие событий неизбежно в силу отсутствия у прямой демократии механизма координации.

Кроме того, у прямой демократии есть и еще одна характерная черта, делающая ее весьма нестабильной в современной политике: присущий ей тип политического представительства исключает политические переговоры и компромиссы. Иными словами, у прямой демократии нет адекватного механизма регулирования конкурентной борьбы между фракциями. Строго говоря, она предполагает наличие конкуренции только между отдельными гражданами.

Вебер считал, что Маркс, Энгельс и Ленин смешали такие понятия, как управление и государственный контроль, имеющие на самом деле разную природу. Так, В. И. Ленин писал в работе «Государство и революция» о неизбежном «отмирании государства» в будущем коммунистическом обществе. По мнению Вебера, современную бюрократическую структуру в принципе невозможно объяснить в терминах классовой борьбы. Это вытекает из его взглядов на государство.

Вебер, как известно, обратил внимание на две основные черты современного государства, сформировавшиеся на протяжении истории, – наличие территории и монополию на насилие. Современное государство, в отличие от государств древности и Средневековья, для которых была характерна непрекращающаяся борьба фракций, кланов и группировок, обладает способностью монополизировать легитимное применение насилия на строго зафиксированной, очерченной границами территории. Такое государство-нация может вступать в конфликты с другими государствами-нациями, а отнюдь не с отдельными группами на собственной территории. Таким образом, государство поддерживает согласие и порядок на определенной территории. В индивидуалистических капиталистических обществах эта задача в основном сводится к

защите установленного порядка собственности, а также экономических интересов за рубежом. Совокупность агентств и институтов, составляющих государство, обладает монополией на принуждение, поэтому следствием эрозии этой монополии обязательно становится разрушение политического порядка.

Наконец, в веберовском определении государства имеется еще один важный аспект – легитимность. Государство основывается на монополии на физическое принуждение, легитимизируемое верой в законность этой монополии. В современном обществе эта вера опирается уже не столько на традицию или харизму лидера, сколько на всеобщее подчинение статусу по закону и функциональной «компетентности», а также рациональным правилам. Легитимность современного государства опирается преимущественно на «рационально-легальный авторитет» – приверженность кодексу законного регулирования. Или иначе, деятельность современного государства определяется легитимным правлением, сложным, комплексным процессом разнообразных ограничений.

В то же время правовое государство предполагает, что государственные агенты должны действовать таким образом, чтобы их поведение соответствовало принципам законодательных процедур, что предполагает уважение государственного авторитета со стороны граждан. Служащие в таком государстве должны придерживаться лояльности не в силу собственной личной преданности, хотя в ряде случаев это также имеет место (патронально-клиентальные связи), а благодаря занимаемой должности.

Наиболее важную роль среди государственных институтов играет государственный аппарат: сеть учреждений и организаций, руководство которыми осуществляется назначаемыми официальными лицами. Хотя институты

такого типа были известны и в другие времена и у разных народов, только Запад, в веберовском смысле, смог создать совершенно особый тип современного государства, ему присущ слой профессиональных управленцев, специализированные институты и право, в основе которого лежит концепция гражданства. Такие институты начинали свое развитие еще в античные времена, но тогда создание централизованной системы было еще невозможным. Поэтому расцвет государств такого типа связан именно с подъемом Запада в эпоху модерна.

Современное государство, считал Вебер, отнюдь не было следствием развития капитализма, наоборот, оно предшествовало и способствовало становлению капиталистического способа производства. Капитализм, со своей стороны, создал стимулы для развития как публичной, так и частной сферы, для экспансии рационального управления – типа бюрократии, основывающейся на легальном авторитете власти. Как показал Вебер, в современном мире публичное и частное управление становится все более бюрократизированным. Происходит становление следующих организационных структур:

- должностной иерархии, упорядоченной в пирамиде власти;
- безличных, писанных правил и процедур,
- строгого ограничения компетенции и средств, находящихся в распоряжении каждого должностного лица;
- назначения должностных лиц на основе их образования и квалификации (а не на основе патронажа);
- ясно определенных задач исполнителей, для которых это основная работа;
- разделения исполнителей и собственников (собственности и власти) [12, vol. 1, p. 220–221].

Вебер в своих рассуждениях, очевидно, опирался на марксистскую идею экспроприации и рабочего контроля над средствами производства, применив ее в более широком смысле – в целом к экспансии бюрократии в современном мире. Такого рода экспроприация характерна, по его мнению, для любых бюрократических организаций, и это необратимый исторический процесс. Отчуждение работников следует понимать как обязательный элемент централизации управления. Индивиды, находящиеся в нижней части управленческой пирамиды, неизбежно утрачивают контроль над результатами собственного труда, направления которого определяют лица, находящиеся на верхних ступенях иерархии. Бюрократия обнаруживает тенденцию к превращению в безличную силу. Правила и процедуры начинают жить собственной жизнью, в то же время ограничивая жизнь и деятельность всех подчиненных ей людей, будь то служащие или клиенты. Бюрократический процесс принятия решений носит жесткий характер, не принимает во внимание конкретных условий жизни и обстоятельств индивида. Иными словами, бюрократия формирует «железную клетку рациональности», под господством которой подавляющее большинство населения вынуждено провести всю свою жизнь. Это и есть та цена, которую приходится платить людям за жизнь в экономически и технологически развитом мире.

В распоряжении современного человека нет способа создать «небюрократическую систему» управления. В этой сфере возможен только один выбор – между бюрократией и дилетантизмом. По мере того как экономическая и политическая жизнь страны становится все более сложной и дифференцированной, значение бюрократии неуклонно возрастает.

Вебер связал неизбежность бюрократизации с проблемами координации, возникающими в современных экономических системах в связи с формированием массового общества. Предсказуемая политическая и правовая среда необходима для развития предпринимательства. Без такой среды предприниматели не могут успешно управлять своей деятельностью и выстраивать стабильные отношения с потребителями. Организационную эффективность гарантирует только бюрократия, которая в долгосрочной перспективе оказывается необходимым условием развития коммерции и предпринимательства.

Наделение широких масс гражданскими правами также способствует возрастанию требований к государству, причем как количественных, так и качественных. Быстро развивающаяся экономика не только предъявляет все более широкие требования к государству, например, в сфере образования или здравоохранения, но и настаивает на установлении единых критериев по отношению к людям, входящим в одну и ту же категорию, т. е. равенстве перед законом. Стандартизация и рутинизация управленческих задач становятся важнейшими условиями для достижения поставленных в экономике целей. Кроме того, эти постоянно растущие требования к государству имеют как международный, так и внутренний аспекты. Понятно, что чем выше уровень требований, тем более разветвленный бюрократический аппарат необходим для их исполнения.

Хотя прямое правление бюрократии отнюдь не всегда обязательно, она все же практически во всех обществах приобретает большую власть благодаря экспертному знанию, информированности, доступу к секретным материалам и лицам, ответственным за принятие решений. Такая власть, полагал Вебер, может стать всеобъемлющей. Политики и другие акторы политического процесса

могут оказаться в полной или частичной зависимости от бюрократии. Поэтому Вебер постоянно возвращался к вопросу о том, каким образом можно осуществлять власть над самой бюрократией. Он был убежден, что при отсутствии контроля все публичные организации неизбежно окажутся игрушками в руках чиновников и будут служить их частным интересам – в таких условиях бюрократический аппарат не будет заинтересован в служении общенациональным интересам страны или народу. Более того, во времена кризисов бюрократическое лидерство неизбежно окажется неэффективным: чиновники в отличие от политиков не обладают необходимой политической волей для принятия судьбоносных решений. У них нет для этого необходимой подготовки – они опираются в своей деятельности преимущественно на технико-экономические критерии, но отнюдь не политические.

Для того чтобы решить проблему неограниченной бюрократизации, Вебер обратился к опыту Германии и предложил в качестве панацеи сильный парламент, способный стать конкурентной площадкой для формирования сильного лидерства. Таким образом, политическая конкуренция в его трактовке оказывается решающе важным противовесом тотальной бюрократизации, т. е. тенденциям к становлению тоталитарного государства.

Как это происходит на практике, показал социализм. Вебер пришел к выводу, что уничтожение частнособственнического капитализма «будет просто означать... что высший менеджмент национализированных и социализированных предприятий бюрократизируется» [12, vol. 2, p. 142]. Ориентация на тех, кто контролирует ресурсы, многократно усиливается, поскольку уничтожение рынка означает ликвидацию всякого противовеса власти государства. Именно рынок генерирует изменения и соци-

альную мобильность, т. е. он — источник развития капитализма и одновременно фактор сдерживания тотального господства бюрократии.

По Веберу, «прогресс» в направлении бюрократического государства поддерживается развитием капиталистического хозяйства, но само по себе это развитие в сочетании с парламентаризмом и развитой партийной системой создает мощное препятствие на пути к узурпации государственной власти со стороны чиновничества. Социализм не только не означает завершение господства, но и превращает его в чисто бюрократическую форму, в конечном счете подавляя все проявления легитимных конфликтов интересов во имя фиктивной солидарности — правит исключительно бюрократическое государство.

Коль скоро именно парламент играет важнейшую роль в сдерживании «ползучей» бюрократизации, Вебер привел в его защиту ряд важных аргументов.

Во-первых, парламент обеспечивает определенную открытость правления. Как форум обсуждения публичной политики, парламент становится гарантом выражения конкурирующих мнений и идей.

Во-вторых, структура парламентских дискуссий, сама природа дебатов, а также необходимость быть убедительным благодаря ораторскому искусству — всё это испытание для возможных политических лидеров. Политики должны уметь мобилизовывать общественное мнение и выдвигать убедительные политические программы. Таким образом, парламент превращается в поле конкурентной борьбы не только между партийными фракциями, но и между политическими лидерами.

В-третьих, парламент становится местом переговоров, достижения компромиссов между разными позициями, т. е. способствует преодолению противоречий, которые в

противном случае могли бы стать поводом для раскола общества на конфликтующие (а не просто конкурирующие) группы.

Политические представители принимают решения на основании критериев, существенно отличающихся от логики бюрократического процесса и операций на рынке. Они могут наглядно продемонстрировать альтернативные варианты политики разным группам электората с противоречивыми интересами, тем самым создавая возможность достижения компромиссов. Они могут сознательно формулировать цели, отвечающие давлению снизу. Именно они становятся воплощением электорального успеха и общенациональной стратегии. Они превращаются в воплощение политики. «Мы воспринимаем само общество как «значимое», только преобразуя его в большую психическую систему, – пишет американский политолог Р. Сеннет. – Возможно мы и понимаем, что работа политика состоит в том, чтобы создавать и исполнять законы, но эта работа не интересует нас после того, как мы воспринимаем действия личности в политической борьбе. О политическом лидере, выставляющем свою кандидатуру на какой-либо пост, говорят как о «заслуживающем доверия» или «законном» на основании того, что это за человек, а не на основании поддерживаемых им действий или программ. Одержимость личностным фактором за счет более безличных социальных отношений подобна фильтру, обесцвечивающему наше рациональное понимание общества...» [6, с. 10–11]. Это позволяет рассматривать парламент в качестве сущностно необходимого механизма для сохранения конкуренции ценностей и выявления политического лидерства как условий плюрализма, в свою очередь гарантирующих демократический характер общества.

Однако роль парламента все же не следует романтизировать. По Веберу, идея о том, что парламент превращается в центр выдвижения доказательств и политических дебатов, т. е. мест, где излагаются авторитетные политические программы, в значительной степени представляет собой не вполне точное понимание природы современных парламентских отношений. Если когда-то парламент и был «центром разума», то сегодня это далеко не так. В отличие от Дж. С. Милля, Вебер считал, что развитие коммерции и политических партий подрывает классическую либеральную концепцию парламентаризма как эпицентра формирования политических программ и курсов с помощью рациональной рефлексии общенациональной политики, направляемой исключительно публичным или всеобщим интересом.

Хотя формально парламент – это единственный легитимный институт, в котором могут быть приняты законы и сформулирован политический курс, фактически в развитых демократиях наиболее существенную роль играет партийная политика. Получение права голоса массами вносит фундаментальные изменения в динамику политической жизни, помещая политические партии в центр политики как еще одной сферы предпринимательства. Поэтому для Вебера особое значение имело определение природы современных политических партий, без которых, как он считал, сложно понять значение введения всеобщего избирательного права в XIX–XX вв. Идея «суверенитета народа», а вместе с ней и демократии как формы «правления народа» казались Веберу слишком упрощенными. По его мнению, более важное значение в контексте введения всеобщего избирательного права имело появление профессиональных политиков, поддержка и выдвижение которых потребовали колоссаль-

ного по численности аппарата политических партий и объединений. Эти объединения начали принимать активное участие в избирательном процессе, в формировании политики, в выдвижении лидеров, поэтому они стали наиболее значимыми акторами политической конкуренции в современных демократических обществах.

Расширение права голоса неизбежно означало быстрый рост политических объединений, организующих электорат, чьи интересы почти всегда (за исключением тяжелых общенациональных кризисов и войн) бывают фрагментированными и противоречивыми. Разнообразие социальных сил порождает их конкуренцию за влияние в публичной сфере. Для обретения влияния такие силы нуждаются в мобилизации ресурсов, сборе средств и тактических приемах привлечения сторонников. Но с точки зрения организации они оказываются в зависимости от собственного политического аппарата. Этот аппарат стремится стать эффективным, а потому быстро бюрократизируется.

Партии могут ставить перед собой цели реализации программы «идеала», определенных политических принципов, но если их деятельность не строится на основе систематизированной стратегии для достижения электорального успеха, они будут обречены на низкий уровень влияния. Как следствие, партии трансформируются в средства борьбы и победы на выборах. Развитие политических партий необратимо изменяет природу парламентской политики. Партийные машины оттесняют традиционные привязанности и устанавливают себя в качестве центров притяжения лояльности, сосредоточивая в своих руках общенациональную политику. Под давлением партийной машины депутаты парламентов, даже избранные на свои посты, вынуждены придерживаться партийной

линии. Еще более ясно эта ситуация проявляется в парламентах, где часть депутатов избирается по партийным спискам (например, в современной России).

Хотя Вебер и верил в то, что процесс бюрократизации означает упадок автономии «низов» в партийных организациях, он довольно критично воспринял идею Р. Михельса о «железном законе олигархии» [9, р. 365]. Смысл «закона олигархии» Михельса заключается в следующем: «Это организация, рождающая господство избранных над избирающими, обладателей мандатов над дающими мандаты, делегируемых над делегирующими. Тот, кто говорит "организация", имеет в виду олигархию» [9, р. 365].

Вебер считал, что этот закон представляет собой предельное упрощение. Бюрократизация, будучи исключительно сложным и комплексным процессом, сохраняет свою совместимость с определенной степенью политической демократии и появлением способных лидеров.

Современные политические партии придают большое значение лидерству, которое может быть понято как необходимый элемент крупномасштабных организаций, нуждающихся в твердом политическом курсе в сочетании с пассивностью основной массы электората. Эта пассивность отчасти является продуктом современного бюрократизированного мира. Понимая, что массы имеют минимальные возможности участия в институциональной жизни и у них нет достаточной власти, чтобы сделать свое участие значимым, Вебер в свой анализ включил довольно низкую оценку влияния электората на политический процесс.

В работе «Политика как призвание и профессия» он говорит об «эмоциональности масс», мешающей созданию адекватной основы для понимания политики. Созда-

ется впечатление, что он воспринимает электорат как неспособный в целом провести селекцию политических курсов и делающий выбор просто среди возможных лидеров. Поэтому он рассматривает демократию как место апробации потенциальных лидеров, как «рынок» – институциональный механизм, вымывающий слабых и выдвигающий наиболее компетентных в конкурентной борьбе за голоса и власть. В современных условиях выбор происходит между лидерской демократией с партийной машиной и демократией без лидерства, т. е. правлением профессиональных политиков, не отягощенных призванием.

Вебер назвал современную представительскую демократию «плебисцитарной демократией лидерства». Применяя это понятие, он имел в виду, что рутинные выборы в западных государствах (например, в Германии, Англии, США) все менее отличаются от прямого выражения доверия (или его отсутствия) правительству. Он говорит о «лидерстве», поскольку именно оно проходит проверку на таких выборах популярностью и доверием у конкретных групп лидеров, точнее, политической элиты. Вебер даже назвал современную демократию «цезаристской». Такая демократия отнюдь не ставит своей целью потенциальное развитие всех граждан. Она может быть понята как ключевой механизм обеспечения эффективного политического и общенационального лидерства. Осуществляя функцию селекции и легитимируя через выборы избранных, демократия остается важным механизмом политического процесса. Отсюда вытекает приоритетный интерес Вебера к проблемам лидерства в условиях современных демократий.

Противоречие между возможностью и правом, властью и законом было в значительной степени разрешено

Вебером в пользу власти. Хотя он был твердым сторонником «правового государства», но считал важным достоинством демократического процесса тот факт, что благодаря ему устанавливается форма «выборной диктатуры». Вебер подчеркивал необратимость социальных условий, способствующих созданию такого института. Более того, он показывал преимущества такой системы. Он понимал, что «героическая эпоха» либерального индивидуализма ушла в прошлое. Но это та цена, которую следует заплатить в современных условиях. Сегодня уже ни равная свобода действий, ни инициатива каждого гражданина невозможны. Поэтому для либералов теперь значительно важнее понять, как можно сохранить потенциал инициативности на «вершинах власти».

Вебер попытался найти баланс между политическим авторитетом, квалифицированным лидерством, эффективным управлением и определенной степенью политической предсказуемости. Очевидно, он был весьма скептичен в отношении способности электората повлиять на смену некомпетентного лидерства, хотя, практически, это единственная роль, которую он ему отводил. Баланса между политическим авторитетом и поддержкой со стороны электората можно достичь через асимметрию – *демос* должен получить существенно меньшую власть. В этом смысле Вебер в целом продолжал классическую либеральную традицию, одновременно защищавшую и ограничивавшую политические права граждан. Но он внес в нее некоторые изменения, предложив новую, довольно ограниченную модель демократии. По существу, демократия в его интерпретации есть немногим более, чем просто способ выдвижения квалифицированных политических лидеров. Он весьма скептически относился к политическому участию электората, равно как и к его спо-

собности влиять на поведение лидеров. Даже отзыв депутата может быть использован исключительно в редких случаях для устранения с политической сцены совсем уж неквалифицированного политика, но электорат практически не обладает влиянием на проведение и определение политического курса. В этом существенное отличие взглядов Вебера от многих других теоретиков демократии, например, того же Г. Алмонда.

Вебер, таким образом, бросил вызов и традиционным либералам, и сторонникам самоуправляющегося общества, свободного от бюрократии (например, анархистам). Хотя некоторые политические теоретики, особенно марксистской ориентации, склонны были не замечать веберовского пессимизма в отношении современного мира, он тем не менее поставил вопросы исключительной важности. Вебер писал свой труд «Хозяйство и общество» еще до того, как была сформирована советская модель государства, и его слова о господстве бюрократии во многом оказались пророческими.

Вебер противопоставил бюрократизации влияние частного капитала, конкурентную партийную систему и сильное политическое лидерство, способные ограничить господство чиновников. Однако именно в этой части неполнота и некоторая ограниченность веберовской мысли становится очевидной. Он, по существу, отверг некоторые весьма верные оценки и наблюдения как марксистской, так и либеральной мысли. Значение неравенства в доступе к политической власти нивелируется политикой как отношениями между лидерами во внутренней сфере и между государствами на международной сцене. Этот приоритет отдает установление баланса между правами и властью на откуп «харизматическим» политическим лидерам, поставленным в ситуацию перма-

нентной конкуренции между государственной и экономической бюрократией, что весьма близко к признанию невозможности поддержания базовых либеральных принципов в современном мире.

Предположение Вебера, что развитие бюрократии ведет к увеличению власти «высших» уровней управления, сопровождалось недооценкой возможностей увеличения власти и в подчиненных кругах. В современных бюрократических системах открылись новые возможности для тех, кто, формально занимая подчиненное положение, фактически приобретает контроль над целями организации, например, располагает возможностями скрывать от лиц, принимающих решения, важную информацию (знаменитый «феномен секретарши») [7, р 147–148]. Бюрократия увеличивает свой потенциал «снизу» и через расширение сфер, подпадающих под иерархический бюрократический контроль. В российской управленческой модели этот феномен часто называют «диктатом аппарата».

Еще одним спорным положением у Вебера является идея о «пассивности масс» и отсутствии у них необходимых политических знаний, достаточной идеологической приверженности и действительно сильной мотивации участвовать в политике. Вебер считал, что, во-первых, существует относительно немного людей, способных к политическому участию и интересующихся политикой; и, во-вторых, только компетентное лидерство в сочетании с бюрократическим управлением и парламентской системой могут разрешать исключительно сложные проблемы и принимать решения в современной политике. Однако пассивность масс сплошь и рядом объясняется «удаленностью» центров принятия решений, традициями, отсутствием возможности повлиять на проводимый политический курс, а также классовыми, национальными

и этническими ограничениями. Тем не менее тезис Вебера, похоже, находит свое подтверждение в современной политике (см., например, [11]), для которой характерно отчуждение граждан, в том числе в наиболее развитых демократических государствах, от непосредственного политического участия, а также пассивность электората (низкая явка, низкий уровень интереса, апатичность избирателей) в обществах типа российского.

Библиографический список

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология / Под ред. С. П. Баньковской. М., 2002. Ч. 1.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. 2.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произв. М., 1990.
4. Политическая конфликтология перед новыми вызовами / Под ред. А. В. Глухой. Воронеж, 2001.
5. Салмин А.М. На Манхэттене завершалась эпоха «Манхэттенского проекта». 11 сентября 2001 г. в контексте дискуссии о столкновении цивилизаций // Полития. 2002. № 1.
6. Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2003.
7. Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis. L., 1979.
8. Held D. Models of Democracy. Cambridge, 1996.
9. Michels R. Political Parties. N. Y., 1962.
10. Passmore J. Civil Justice and Its Rivals // Justice / Ed. by E. Kamenka, A. Erh-Soon. L., 1979.
11. Patnam H. Bowling Alone. N.Y., 2000.
12. Weber M. Economy and Society. Berkeley, 1978. Vol. 1–2.

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ СЕРВИСАМИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

П. В. Романов

СОЦИОЛО-
ГИЧЕСКИЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ

УПРАВЛЕНИЕ
СОЦИАЛЬНЫМИ

СЕРВИСАМИ:

ТЕОРИЯ

И ПРАКТИКА

П. В. Романов

СОЦИОЛОГИЯ

ИНТЕРНЕТА:

ФОРМИРОВАНИЕ

ДИСЦИПЛИНАРНОГО

ДИСКУРСА

А. А. Петрова

В условиях трансформации постсоветского общества возникли и быстро развиваются социальные сервисы, призванные посредством организационных механизмов обеспечить закрепленное в тексте российской Конституции политическое намерение построить социальное государство [3, с. 5]. В строгом смысле этого слова профессиональная социальная работа появилась в России только в начале 1990-х гг. [10], когда возникло понятие профессии «социальный работник», были лицензированы программы высшего образования в этой области, организованы соответствующие кафедры и факультеты. В любом случае, многие авторы сходятся в одном – современное состояние социальных служб как новых типов организаций является переходным, что означает соединение неких традиционных практик деятельности с новыми, в том числе в сфере администрирования. Насколько удачно такое соединение – вопрос открытый, и именно он стал предметом наших исследований на протяжении 2000–2001 гг.

Термин «бюрократия», который будет здесь использоваться, в обыденном понимании сопровождается исключительно не-

гативными коннотациями. Мы придерживаемся определения бюрократии как формализованного механизма обеспечения организационной эффективности. Такая традиция восходит к идеям М. Вебера, который, обсуждая природу бюрократии, первоначально говорил исключительно о политической организации общества, но позднее эти теории нашли применение в объяснении менеджмента [6, с. 40–46].

В течение последних лет социальные службы развиваются очень быстро как на уровне государственных, так и негосударственных сервисов. Кто и насколько эффективно ими управляет? По мнению Р. А. Скидмора, администрирование подразумевает лидерство в высшем управленческом звене, направленное на улучшение работы агентств и персонала [15, р. 2]. Компетентный администратор может сделать социальную службу эффективной и достичь поставленных целей, а некомпетентный руководитель способен разрушить работу организации и вызвать у персонала незаинтересованность в своей работе.

Менеджмент в социальной работе следует рассматривать как практику администрирования, воплощающую социальную политику на уровне конкретной социальной службы. Эта практика многомерна, в ней участвуют не только руководители, но и рядовые сотрудники, ответственные исполнители. В числе основных операций менеджмента мы выделяем планирование, организацию, рекрутирование персонала, разработку направлений деятельности и контроль за исполнением заданий.

Может показаться, что управленческий труд в социальной работе не имеет особенностей. Существует мнение, что достижение эффективности через интеграцию деятельности отдельных людей не зависит от предметно-

го контекста и его ценностных измерений и обладает принципиально одинаковыми характеристиками применительно к труду начальника цеха по сборке автомобилей, директора ресторана и дома престарелых [14, р. 33]. Возможно, распространенность такого мнения и легитимирует ситуацию в управлении социальными службами, где руководителями преимущественно стали партийно-хозяйственные и комсомольские работники должностей советского времени, однако негативные аспекты применения технократических или политических моделей к управлению социальной службой обесценивают все плюсы использования на этой работе «универсального менеджера».

Администрирование в сфере социальной работы сейчас, как никогда раньше, нуждается в более высоком уровне профессионализма. В США и Великобритании компетентные руководители социальных агентств – это скорее «администраторы социальной работы», чем «администраторы, выросшие из социальной работы». Многие руководители агентств и супервайзеры получили на факультетах социальной работы специальную подготовку.

Правительство и муниципальные органы управления, местное сообщество (негосударственные организации ветеранов, инвалидов, пожилых) все чаще выдвигают требования сделать работу социальных служб более эффективной. Такие условия не только предъявляют ко всем работникам этих сервисов требования улучшить организацию работы, но и обратить особое внимание на административный процесс внутри организации. Может показаться, что система работает сама по себе, невзирая на усилия отдельных работников. Встречаются социальные работники, особенно на должностях, связанных с

непосредственным обслуживанием клиентов, чувствующих себя полностью безвластными на работе. Такие исполнители не склонны ставить под вопрос или критиковать технические детали своей деятельности и своей организации, улучшать политику организации или качество оказания услуг. Многие из сотрудников отчуждены от управления, особенно от высших руководителей, которые, видимо, считают, что только они одни могут участвовать в процессе регулирования деятельности организации и развивать управленческие технологии. Один из способов разрушить подобные иллюзорные представления об организации и менеджменте заключается в проведении исследований в социальной работе. Такие исследования, направленные на анализ эффективности деятельности организаций, позволяют осмыслить условия работы, адекватность некоторых практик и форм деятельности, их влияние на достижение социально значимых целей [11].

Большей частью социальная работа осуществляется в рамках агентств, служб и других организационных форм. Вне социальных служб она может существовать в виде частной практики, например консультирования, психотерапии. Некоторые социальные работники заняты в учреждениях образования и здравоохранения, а также в учреждениях системы занятости, профессиональной ориентации и переподготовки.

Классификация ведущих социальную работу организаций едва ли может быть исчерпывающей. Главный различительный признак – сфера деятельности социальной службы, определяемая также нуждами клиентов, на удовлетворение которых эта деятельность направлена. Основным направлением работы социальных служб в рамках Министерства труда и социального развития РФ,

профильных департаментов по вопросам пенсионного обеспечения, социального обслуживания, по делам семьи, женщин и детей, пожилых и инвалидов является деятельность по повышению уровня жизни населения, социальной и медико-социальной реабилитации [1, с. 170–184]. За рамками системы труда и социального развития оказывается помощь пациентам клиник, в том числе и психиатрических, жертвам преступлений в правовой сфере, как и работа с правонарушителями для предотвращения повторных преступлений, работа с отдельными индивидами и социальными группами, оказавшимися в кризисной ситуации – с бездомными, беженцами, мигрантами, бедными, одинокими. Эти виды социальной работы осуществляются в рамках других ведомств, относящихся к министерствам здравоохранения, юстиции, внутренних дел, благотворительных организаций и фондов. Таким образом, можно говорить о многомерности пространства социальных сервисов, где измерениями являются сферы деятельности, возрастные группы, социальные проблемы и социальные группы.

В некоторых учреждениях социальные работники выступают ключевыми фигурами, социальная работа – их основной вид деятельности. По терминологии Х. Джонсона, это так называемые первичные агентства [12, р. 18]. К таким организациям относятся отделы социального обеспечения, центры социального обслуживания, службы социальной помощи семье и детям, находящиеся в ведомстве Министерства труда и социального развития.

В других агентствах социальная работа играет подчиненную роль по отношению к профессионалам из других сфер деятельности, таких, как медицина, образование, право. Эти организации можно называть вторичными. Они, как правило, осуществляют свою деятельность без

социальных работников, хотя можно выдвинуть серьезные аргументы в пользу того, что качество этой деятельности улучшится в случае активного их участия. Речь идет о школах (социальные педагоги), больницах (социальные работники в здравоохранении), суды и правоохранительные органы (социальные работники по работе с осужденными, в том числе и осужденными условно), межведомственных комиссиях по делам несовершеннолетних (социальные работники и социальные педагоги), отделах опеки и попечительства, центрах по усыновлению.

Одно из ключевых отличий состоит в источниках финансирования. Часть социальных программ финансируется из бюджета, другая часть поддерживается частной инициативой (за счет средств фондов, спонсоров, с участием волонтеров).

Известно, что отдельные негосударственные организации получают бюджетные средства на социально значимые проекты. Наши исследования показывают, что в существующих условиях такие межсекторные контакты нельзя назвать систематическими и регулярными. Некоторые спонсоры и организации-реципиенты стремятся не афишировать акты благотворительности, опасаясь пристального внимания налоговых органов. Бюджетная поддержка негосударственных организаций, занимающихся социальными программами, пока не опирается на такие демократические институционализированные формы взаимодействия, как открытые конкурсы, тендеры, гранты. В результате здесь в основном царит административный произвол – организации-партнеры выбирают среди тех, кто наиболее настойчив, имеет хорошие личные контакты среди чиновников, кто принят в круг «своих».

Социальные службы различаются по размеру и масштабу деятельности. В одних из них работает до полутора сотен сотрудников (например, в центре социального обслуживания населения), в других – около десятка человек (в кризисном центре для женщин). В ряде случаев речь может идти о всероссийской или межрегиональной организации, в которой данная организация является лишь местным филиалом, и тогда численность персонала может насчитывать тысячи человек, а масштабы деятельности охватывать всю страну. Это может относиться и к государственным службам, таким, как служба занятости, и к негосударственным, где примером федерального масштаба деятельности может служить Всероссийское общество слепых, штаб-квартира которого находится в Москве. Это общество состоит из 74 региональных организаций и владеет 184 предприятиями, обеспечивающими занятость слепых по всей России.

Многие социальные службы имеют продолжительную историю, которая насчитывает десятки лет, а есть и сравнительно молодые организации. Например, Красный Крест, возникнув еще до Октябрьской революции, никогда не прекращал своей деятельности в России, хотя временами сильно сокращал свои программы и испытывал сильное политическое давление. В 1920-е гг. по инициативе большевиков были созданы централизованные объединения инвалидов – Всесоюзное общество инвалидов (ВОИ), Всесоюзное общество слепых (ВОС) и Всесоюзное общество глухих (ВОГ), которые, являясь общественными объединениями по форме, по существу были государственными организациями, по-своему выполнявшими определенный социальный заказ на использование труда инвалидов в социалистическом строительстве. Эти организации, хотя и переживают определенный кризис в

настоящее время, продолжают свою работу и стремятся приспособиться к условиям рыночной экономики.

Бурный рост сервисных общественных и государственных организаций отмечался в начале 1990-х гг. в связи с политической и экономической либерализацией. В это время значительно расширился спектр оказываемых услуг социальной работы, сервисные организации были созданы в отдаленных населенных пунктах. Государственная система социальной поддержки в значительной степени трансформировалась, и реформа продолжается до сих пор: изменяется содержание деятельности структур социальной помощи, возникают новые и реструктурируются старые организации.

Х. Виленски и К. Лебо предложили различать две модели социального обеспечения – резидуальную (*residual*) и институциональную [17, р. 138–140]. Первая, более старая, модель управления социальными службами предполагает, что они должны вступать в действие только после распада семьи или рынка, истощения всех наличных ресурсов, которых уже не хватает для удовлетворения социальных потребностей. Более новый, институциональный подход рассматривает социальные службы в качестве неотъемлемого элемента современного индустриального общества, выполняющего определенную общественную функцию. Эти два подхода в теоретической схеме являются противоположными полюсами континуума, а реальная практика социальной работы в западном обществе находится где-то посередине и содержит в себе элементы как первого, так и второго типов. Мощные общественные изменения влияют на людей и семьи: рост населения, индустриализация, урбанизация, взрыв общественного внимания к правам человека, мобильность, изменения в структуре семьи, дефицит естественных ресурсов и энер-

гии – лишь некоторые из этих глобальных изменений. Из таких трансформаций следуют далеко идущие исторические тенденции, направленные на постепенное изменение резидуальной формы социального обеспечения в институциональную.

Применима ли данная аналитическая модель к отечественным условиям? В отношении России можно предположить, что идея резидуальной формы социального обеспечения ближе к характеристике ситуации, сложившейся в системе оказания социальной помощи населению. Взять хотя бы способы проектирования такой деятельности. В первую очередь их характеризует непоследовательность и стихийность при планировании мероприятий и их финансового обеспечения. Например, О. Л. Шахназаров, проводивший исследование адресной социальной помощи в Алтайском крае, указывает, что приоритеты деятельности краевой системы социальной защиты населения предопределяются факторами, по сути, не связанными напрямую с социальной политикой [9, с. 168–170]. Необходимо отметить, что такие приоритеты складываются не только вне локальных институтов власти, но и вне институтов гражданского общества. Нестабильность социальных программ некоторые авторы склонны объяснять условиями переходного периода – своего рода «объективными обстоятельствами». Например, выдвигается идея о том, что при выработке и реализации социальной политики на муниципальном уровне следует учитывать дестабилизирующие факторы, одни из которых действуют постоянно, а другие являются следствием переходного характера современного российского общества и государства: «Среди последних можно говорить об определенном кризисе управления, когда муниципальные органы вынуждены, как правило, в "пожар-

ном порядке" решать проблемы, которые ставит быстро меняющаяся социально-экономическая и политическая ситуация (приватизация и проблема лиц без определенного места жительства; разрушение системы бытового обслуживания населения и формы социального обслуживания людей пожилого возраста и инвалидов; политические катаклизмы и проблемы мигрантов, вынужденных переселенцев и др.)» [8, с. 195]. Мы же склонны интерпретировать быстро меняющиеся социально-политические инструменты переходного периода в терминах идеологической конъюнктуры. Например, хорошо известны повышения размеров зарплат, пособий и социальных выплат в период избирательных кампаний, «набеги» местных чиновников, нагруженных подарками, активное посещение детских домов, центров реабилитации инвалидов, домов престарелых. Это стало одним из наиболее распространенных инструментов в арсенале так называемого административного избирательного ресурса на выборах различного уровня. Социальные программы быстро разворачиваются, а затем сокращаются в определенном политическом контексте, будучи атрибутом «правильной» политики, удовлетворяющей патерналистские ожидания обедневшего электората.

Другим свидетельством резидуальности российской социальной политики являются данные нашего исследования, указывающие на противоречия, возникающие в социальных сервисах в связи с алармическим («пожарным») стилем формулирования целей. Многие из социальных работников и администраторов, которых мы интервьюировали, высказали неудовлетворенность по поводу «пожарных акций», необходимость в которых неожиданно объявляется региональной исполнительной властью. Такими акциями может быть раздача гумани-

тарной помощи или какие-либо культурные мероприятия. И то и другое носит в большей степени политический характер, чем направленность на получение долгосрочного социально-экономического эффекта. Их характеризует широкая рекламная кампания и ориентированность на формы, выгодные для подачи в СМИ.

Понятие бюрократии низового уровня было впервые использовано М. Липски, проводившим исследования среди полицейских, работников школ, отделов социального обеспечения, правовых и других служб. Все они в самых разных промышленно развитых странах имеют сходство и в характере выполняемых обязанностей, и в условиях работы. Для сотрудников социальных служб в низовых структурах организационной иерархии характерны высокая автономия и постоянные стрессы от перегрузки и эмоционального характера выполняемых обязанностей. М. Липски, обсуждая характер решений, принимаемых низовой (уличной) бюрократией, и их эффект в обществе, приходит к выводу, что по мере усложнения организации возрастает вероятность ошибок в осуществлении услуг и реализации власти низовыми чиновниками [13].

Наши исследования показывают, что к настоящему времени завершается кристаллизация бюрократических структур, оперирующих в сфере социальной работы. Это означает, что темпы трансформации служб постепенно снижаются, а практики контроля становятся все более стабильными, общепринятыми и не зависят от профиля деятельности и места, где они осуществляются. Сложившиеся практики, на наш взгляд, отражают и специфику социальной защиты в современных условиях, и особую организационную культуру, принятую в наследство от советского собеса, и разнородное влияние международ-

ного опыта в сфере социальной работы, примеряемого в качестве моделей развития на федеральном и областном уровнях. Это наследие весьма противоречиво по существу. Собес традиционно подвергается критике за стигматизацию и ограничительный характер деятельности, сфокусированной более на интересах ведомства, чем клиентов.

Одним из атрибутов организационной культуры является язык. Как правило, достаточно длительное выполнение совместной деятельности способствует «изобретению» таких словечек, терминов, идиом, которые становятся маркером принадлежности к определенному «цеху» или коллективу. Особенности языка помогают опытным членам социальной группы узнать «своих», а для новичков использование профессионального языка в ходе усвоения культурного контекста служит более полной идентификации со «своими», принятию их норм и правил действия. Для социального ученого язык учреждения позволяет подвергнуть деконструкции идеологию профессии, те ее черты, которые обычно воспринимаются как должное и не обсуждаются. Кроме того, термины, в которых описываются социальные проблемы, являются не только продуктом социальных отношений, но и инструментом их конструирования. Поэтому в последние годы во многих странах клиенты и профессионалы стали бороться против дискриминирующего языка дефектологии, психиатрии, социальной работы, в том числе тех ее направлений, которые имеют дело с инвалидами (людьми с особыми потребностями) или пожилыми (старшими гражданами – *senior citizens*). Эти усилия не напрасны и не случайны, они связаны с развитием социальной работы в направлении гуманизации и демократизации.

По результатам этнографических наблюдений нам удалось выделить несколько наиболее насыщенных языковых сфер Центра социальной помощи населения и Центра помощи женщинам, семье и детям. Первая сфера – определение клиентов. В отделениях, которые занимаются обслуживанием пожилых, чаще встречаются «бабушки», «дедушки», «пожилые граждане», также «бабульки» и «дедульки» *, т. е. в некоторых определениях звучит не только бытовое восприятие, но и взгляд сверху вниз, довольно покровительственный. Возможно, в основе этого лежат классовые различия (о клиентах отделения срочной помощи говорят: «они – нищие»), но особенно это проявляется в отношении некоторых групп клиентов, которые приносят беспокойство и требуют особого к себе отношения. Речь идет, например, о тех, у кого проблемы с психическим здоровьем или «неудобное» поведение: *«они уже и с маразмом, и со всем полным букетом»*, *«больной на голову»*, *«у них с головой не все в порядке»*, *«люди с обострениями»*, или о тех, кто требует к себе слишком много внимания: *«руки выкручивают»*. Дискурс нормальности является доминирующим в определении клиентов Центра помощи семье, женщине и детям, хотя необходимо иметь в виду, что само определение нормальности варьируется и не всегда четко определено: *«это – нормальная семья»*, *«они там совершенно ненормальные»*, *«там инвалид – ненормальный человек»*. Клиент в этом учреждении стигматизируется, воспринимается как маргинальная личность. Об этом свидетельствует, например, комментарии работника, выглядывающего в окно: *«Какая-то странная тетя к нам идет!»*

* Здесь и далее использованы материалы интервью с работниками и администраторами социальных служб (Среднегорск, 2001).

Наверное, клиент»; жалобы специалиста на стресс: «скорее сами клиентами станем этого Центра! Сами себя обслуживать будем». Мы полагаем, что свою деятельность данная служба рассматривает в некоторой степени как деятельность по социальному контролю, нормализации, что находит отражение в языке.

Другим важным аспектом исследования стало отражение деятельности учреждения, ее форм и содержания в речевой практике сотрудников. Известно, например, что довольно широко распространена скрытая и официально не обсуждаемая практика избавления от проблемных клиентов путем их передачи из рук в руки. О таких людях иронически говорят: *«бабушки "переходящее Красное знамя"»*, имея в виду награду советского времени, вручаемую лидерам трудового социалистического соревнования на какой-то период. Особенности труда социальных работников – тоже одна из тем обсуждения. Скрытое недовольство кропотливой бумажной работой, связанной с заполнением многочисленных отчетов, проявляется в выражении заведующей отделением: *«бумажки собирать»*, *«эти бумажки с ума сведут»*. Работники социальной помощи на дому, которые вынуждены совершать длительные обходы района в отсутствие транспорта, называют себя *«разносчиками услуг»*, *«работающих ногами»*, а про человека, который отправляется на обход клиентов, обычно говорят: *«он будет бить ноги»*. Среди работников социальных служб редко можно найти человека, довольного заработной платой, поэтому обычным стало ироничное выражение *«зарплата – плакали вчера»*. Даже те доплаты и маленькие премии, которые иногда получают эти люди, стоящие лицом к лицу с человеческим несчастьем, бедностью, слабостью, не рассматриваются в качестве реального подкрепления. Такие

премии получили ироническую характеристику – *«три копейки»*, указывающую на ничтожность суммы.

В социальных службах, где сильно влияние медицинских профессионалов, медицинский дискурс проявляется в лексиконе социальных работников. Это можно увидеть на примере реабилитационного центра, где детей называют *«облеченные»*. Тех, кто ранее долгое время не получал социального обслуживания и не имел дела со специалистами по реабилитации, называют *«запущенные дети»* или *«запущенные случаи»*, подобно тому, как в медицине определяют больного, не обращавшегося за лечением.

Весьма существенным представляется анализ дискурса, в рамках которого формулируются проблемы клиентов и потребность в определенных знаниях, необходимых для разрешения этих проблем низовыми бюрократами – социальными работниками. Мы обнаружили, что доминирующей моделью профессионализма, считающейся адекватной задачам социальной работы, является работа психолога, юриста и медика. Об этом говорили практически все наши собеседники, независимо от должности, которую они занимали. Некоторые из них, даже обсуждая деятельность кафедр и факультетов, где готовят дипломированных социальных работников, часто ошибались и называли их кафедрами психологии. Эти оговорки и представления о новой профессии, разумеется, не случайны. Они наследуют сложившиеся установки и стереотипы в отношении существующих проблем, с которыми приходится иметь дело. В рассуждениях об этих проблемах акцент делается либо на личности клиента – *«неприспособленные к новым экономическим условиям»*, *«бабушки разные бывают – грязные, гневные, доброжелательные, веселые»*, либо на узко формулируемые

способы разрешения проблем: *«обратиться к психологу, чтобы не страдать от одиночества», «обратиться к юристу, чтобы помог с работой».*

В самых разных учреждениях, где проходило исследование, можно было встретить суждения, так характеризующие отношения «клиент – социальный работник»: стираются границы между клиентом и социальным работником, они обмениваются телефонами, поздравляют с днем рождения, женщине легче понять клиентов, сблизиться с ними, складываются домашние отношения с подопечными. Рабочее место социального работника в организациях практически повсюду, где мы проводили свои наблюдения, испытывает сильно влияние организационной культуры «домашнего» свойства, обычно складывающейся в женских коллективах. Об этом можно судить по таким атрибутам, как изобилие цветов и домашних растений в горшках, календари, фотографии близких и звезд эстрады.

Тот факт, что социальная работа слишком часто воспринимается на самом нижнем уровне социальных служб не в качестве специфической профессиональной Деятельности, а в виде оплачиваемого продолжения семейно-бытовых обязанностей, имеет разнообразные следствия, отражающиеся на трудовой деятельности. В некоторых случаях это позитивный знак, который указывает на преодоление дистанции и социально-классовых барьеров, отделяющих реципиентов социальной помощи от всего общества. Но в целом в такой позиции больше недостатков, чем преимуществ. Во-первых, разрушается дистанция между социальным работником и клиентом, что открывает возможность установления между ними слишком близких (как негативных, так и позитивных) отношений. Это препятствует спокойному, ровному выпол-

нению служебных обязанностей, «домашние» модели отношений со знакомыми и родственниками переносятся в сферу профессии. Во-вторых, начинают доминировать бытовые этические нормы по отношению к клиентам и профессии, что выражается, например, в пренебрежении к сохранению тайны личности при обсуждении проблем клиентов с третьей стороной. Усилия руководителей социальной службы по утверждению особого отношения к внешнему виду и манере общения на рабочем месте не достигают цели.

Реструктуризация промышленности привела к появлению на рынке труда большого количества работников трудоспособных возрастов. Именно они составили основной костяк социальных служб. В Среднегорске создание рабочих мест в социальной сфере открыло перспективу трудоустройства сотен людей, преимущественно женщин. Об этом говорит состав работников – лишь 1–2 % из них мужчины, работающие водителями и слесарями: *«Если взять мой коллектив, у меня коллектив 260 человек. Ну дай бог, там наберется пять мужчин – там слесарь, вахтер, водитель, остальные 250 человек -- это женщины. Практически у каждой второй или даже у двух из трех уже не сложилось в семье, там сплошное пьянство, сплошная патология. Это вот проблема моя, моего центра, чисто женская. Мне жаль моих женщин, но я им ничем помочь не могу...»* (директор социальной службы, жен., 55 лет, Среднегорск, декабрь 2000).

Социальные работники центров социальной помощи – это бывшие рабочие, бухгалтеры, инженеры и педагоги. Как правило, никакой специальной подготовки для них не предусмотрено [7]. Похожая ситуация отмечается и в других городах России. *«Профессионализм в том и состоит, чтобы вжиться в проблемы человека, понять,*

как можно ему помочь и при этом себе не навредить», – говорит заместитель главного врача по медико-социальной работе Санкт-Петербургского городского гериатрического центра, специалист с высшим социальным образованием [5, с. 35]. Речь идет о сиделках – на них «даже в наше нищее время есть спрос»; их же называют социальными работниками, в которые «сейчас охотно идут безработные учителя и инженеры из обнищавших НИИ». Да, возможно, среди пользователей этого сервиса можно встретить не только «пожилых петербургских интеллигентов вроде академика Дмитрия Лихачева, но и людей с разрушенной психикой, с затрудненной речью». И хотя гериатрическая помощь, как указывается в цитируемой статье, включает и социальный (точнее, медико-социальный) компонент, функции социальных работников, в роли которых выступает обученный непосредственно в гериатрическом центре персонал, в этом контексте сводятся к задаче «выслушивать, не перебивая» и справляться «с теми же пролежнями». В нашем исследовании дипломированных специалистов по социальной работе в социальных службах найти было очень трудно, несмотря на то, что программы подготовки по данной специальности существуют в трех вузах Среднегорска. В одном из центров социальной помощи из 172 человек ни у кого не было вузовского диплома по социальной работе, включая заведующую, которая получила дополнительное высшее образование по экономике, а шестеро сотрудников только лишь учились на очных и заочных отделениях социальной работы. В другом таком же учреждении из 250 работников центра такого диплома не имел никто.

Мы обнаружили, что при очень высокой текучести кадров в социальных службах (например, в центрах со-

циального обеспечения – 15–20 % в год) управленческое звено этих организаций остается достаточно стабильным. Для этого эшелона управления характерны горизонтальные перемещения, в отличие от социальных работников и специалистов по социальной работе, которые составляют основную долю в статистике поступающих на работу и увольняющихся с нее. Эти менеджеры в девяти случаях из десяти пришли на работу в социальные службы из советских органов управления (руководили отделами в районных или городских исполкомах, занимали посты среднего уровня управления в партийных органах) [7]. В этих условиях менеджеры становятся ключевыми фигурами для производства и воспроизводства смыслов социальной работы и методов администрирования. Смыслы эти по существу рестриктивны и унаследовали от советского времени образ социальной помощи как чего-то вторичного по отношению к промышленности, как деятельности, являющейся продолжением «естественного» выполнения социальных функций по уходу за слабыми, пожилыми и нуждающимися в защите.

Реальные обязанности социального работника и специалиста по социальной работе могут отличаться от тех, которые сформулированы в соответствующих положениях и других документах на уровне областного и федерального министерств. Мы полагаем, что круг этих обязанностей в значительной степени формулируется на низовом уровне. В конструировании реальной сферы ответственности и обязанностей работников активное участие принимает руководитель службы. Это можно увидеть на примере специалиста по социальной работе. Как мы узнали, отличие этого специалиста от социального работника, кроме разряда ЕТС (единой тарифной сетки) и соответствующего уровня зарплаты, заключается только в

степени допуска к внутренней «кухне» – *«те же самые обязанности, что и у социального работника плюс заведует заведующую и работает со спонсорами»* (заведующая отделением Центра социального обслуживания, 56 лет, Среднегорск, 2001). Вообще, складывается ощущение, что вертикальные перемещения в таких учреждениях зачастую в большей степени обусловлены неформальными отношениями с руководителем службы, чем такими формальными атрибутами, как образование, личные достижения, инициативность.

Можно предположить, что такой организационный порядок конституируется низовой бюрократией для защиты собственных интересов. Однако представления о вторичности образования для карьеры в социальной работе достаточно укоренены и на более высоких уровнях иерархии управления российскими институтами социальной работы. Например, руководитель отдела кадрового обеспечения Минтруда России В. Сударенков прямо заявляет, что считает обязательным продолжительную работу дипломированных выпускников факультетов социальной работы (при этом их образование предусматривает большое внимание к практике и работе в службах) на самых низкооплачиваемых и неквалифицированных должностях (цит. по [4, с. 10]). Вместе с тем существует неудовлетворенность уровнем знаний социальных работников, что подтверждается исследованиями, проведенными в разных регионах: «Основная часть людей не располагает необходимыми знаниями, и это тоже влияет на качество труда, поэтому следует решать этот вопрос, так как проводимые занятия не удовлетворяют работников и не дают им желаемых знаний» [2]. Приведенные высказывания свидетельствуют о том, что периодические занятия на курсах повышения квалификации не всегда спо-

способны дать комплекс систематических знаний, необходимых в деятельности специалиста по социальной работе

Определяя стратегию найма, администрация центров говорит о профессиональных и душевных качествах сотрудника, однако представляется, что решающим обстоятельством является способность «влиться в коллектив». Очевидно, именно это и определяет тот факт, что около 70 % служащих в свое время устроились в организацию при посредничестве знакомых. Так формируется совершенно особый тип отношений между руководителями и подчиненными, основанный на особой взаимозависимости. Подчиненные чувствуют признательность перед теми, кто помог им в трудоустройстве, и готовы платить за это своей лояльностью. В условиях отсутствия таких прямых и рациональных организационных мотивов для качественного выполнения своих обязанностей и развития, как статус профессии, высокая заработная плата, возможности карьерного роста, их место занимают косвенные мотивации. Таковыми мы считаем развитие неформальных отношений на рабочем месте и оправдание работы ее важностью, необходимостью заботы о пожилых и одиноких людях. Неформальные отношения с коллегами, особенно с менеджерами службы, играют большое значение в условиях отсутствия формальных и определенных монетарных стимулов. Именно администратор решает вопросы, связанные с возможностями дополнительных заработков и получения каких-то льгот и бенефиций. В центре социальной помощи такими возможностями может стать получение дополнительной половины ставки, выгодных (спокойных и «беспроблемных») клиентов, удобного участка работы, в условиях дома-

интерната – возможность совмещения и получения дополнительного заработка, питания за счет организации.

Судя по публикациям, исследователи и администраторы социальных служб России проблему повышения статуса социальной работы и проблему низкой мотивации работников таких учреждений пытаются решить при помощи ряда административных мер. Они предлагают, например, «идентифицировать работников службы с целями и задачами организации, а именно: изменить отношение к работе, коллективу, обеспечив максимальную включенность в работу. С этой целью нужно добиваться: полной информированности каждого работника службы о целях и задачах, стоящих перед их организацией, об успехах и недостатках, выявляемых в процессе работы службы на уровне района; совместного обсуждения планируемых мероприятий; поддержки всякой инициативы, выдвинутой работниками службы; встреч руководителей района с работниками службы для поднятия имиджа социальной работы; проведения совместных праздников, отдыха с выездом на природу; моральной поддержки лучших работников; восстановления Доски почета, в связи с чем возродить дух соревнования в труде между службами, отделениями, самими работниками, чтобы появилось желание хорошо выглядеть перед коллегами» [2]. Основное направление дальнейшего развития социальной работы специалисты этих организаций видят в укреплении символической составляющей организационной культуры, однако выстраивают эту стратегию на основе своего ограниченного опыта советских практик управления. На наш взгляд, данная проблема имеет комплексный характер, но главное, не может быть решена без серьезного повышения зарплаты и изменения принципов организационной мобильности.

Центры социального обслуживания стали важнейшими элементами институционализации социальной работы – первичными, по определению Х. В. Джонсона, организациями, в рамках которых она развивается. В различных регионах условия работы и проблемы имеют общие черты. Например, как мы уже отмечали, труд социальных работников отличается очень высокой автономией. Как правило, они имеют дело только со своим непосредственным руководителем, иногда – с начальником организации. Работники посещают и обслуживают своих клиентов в свободном режиме, еженедельно отчитываясь перед заведующим отделением за проделанную работу. Никаких коллективных действий деятельность социальной службы не предполагает. Для таких организаций характерен уровень текучести 15–20 % в год, причем для сельской местности этот показатель, как правило, несколько выше. Некоторые опросы, проведенные в разных регионах, демонстрируют выводы, сходные с теми, которые мы сделали по результатам нашей работы. Например, в ходе исследования, проведенного в Самаре и посвященного мотивации сельских социальных работников, было установлено, что «86,7 % опрошенных даже близко не мотивированы на заинтересованный, ответственный, инициативный труд» [2]. В основе такого отношения к работе лежат, по мнению авторов, плохие условия труда, поскольку были получены низкие оценки состояния оборудования рабочего места, размера заработной платы и санитарно-гигиенических условий труда.

В свое время Д. Ворхем говорила, что социальные работники в основном проявляют равнодушие к проблемам администрирования [16]. Она выражала сожаление, что эти служащие не рассматривают администрирование как творческий процесс и неотъемлемую часть практики со-

циальной работы. Многие социальные работники и политики понимают, что одна из важнейших потребностей и проблем социальной работы сегодня – это развитие более способных, динамичных лидеров, которые могут помочь в формулировании и реализации мер социальной политики, планов и решений, влияющих на население прямым или непрямым образом. В то же время сегодня вузовские преподаватели социальной работы, так же, как и практики, отстаивают мнение, что все студенты факультетов социальной работы нуждаются в большем объеме знаний и умений в сфере администрирования перед тем, как покинуть учебное заведение, чтобы они могли сделать больший вклад в обеспечение социальными сервисами незащищенных групп населения.

Профессиональная практика решения социальных проблем на микроуровне и на уровне социальной группы все более востребована в условиях современного общества. В таких традиционных областях деятельности, как медицина, психология, юриспруденция, требования рассматривать индивида в контексте социальной группы интегрированы и в этический кодекс, и в систему образования. Можно вспомнить множество примеров того, как лучшие представители медицинского цеха, не ограничиваясь выполнением своих прямых обязанностей, стремились облегчить условия жизни своих больных. Среди них врачи А. Швейцер и Ф. Гааз – такие люди пользовались заслуженной славой, их окружали уважением и почетом. Вероятно, именно поэтому существующий ныне в российском обществе спрос на социальную помощь заставляет в первую очередь обратить внимание на традиционные профессиональные группы и сферу их экспертизы. В результате вводимые соответствующими ведомствами и учреждениями должности социальных работников в ме-

дицине, социальной защите, правоохранительных и исполнительных учреждениях заполняются медиками, психологами и юристами, возникают целевые программы, в рамках которых социальная помощь формулируется в терминах упомянутых профессиональных групп. Необходимо, однако, помнить, что типичные профессионалы в этих сферах деятельности вовсе не ориентированы на социальную помощь. Отечественная система высшего специального образования нуждается в серьезной корректировке, чтобы дать государству медиков, психологов и юристов, чувствительных к проблемам структурного социального неравенства, способных объяснить, а затем найти соответствующие пути решения индивидуальных проблем. В противном случае мы будем продолжать воспринимать социальные проблемы как частные: на семейное насилие реагировать исключительно как на психологическую уязвимость жертвы; алкоголизм и наркоманию лечить только лекарственными препаратами и кодированием; «лекарство» от безработицы и бедности искать в изменении личностных установок.

Конкуренция за профессиональную экспертизу пока проигрывается социальными работниками. Их междисциплинарное знание, где совмещается медицина, психология, право и социология, воспринимается сейчас как поверхностность и дилетантизм не только соответствующими профессионалами, но и теми, кто ведает вопросами найма на работу и определяет сферы ответственности и экспертизы в социальной политике. Поэтому вопрос о том, как назвать данный вид деятельности – социальной работой или, например, психологией, не является исключительно теоретическим. Общество только выиграет от того, что социальные работники придут в самые разные сферы деятельности, даже если при этом

произойдет некоторое перераспределение символических, властных и материальных ресурсов, чего так опасаются представители традиционных, или академических, профессий. Сейчас это сделать трудно в силу сложившихся институциональных условий, административных обстоятельств и социальных установок. Указанные факторы препятствуют не только определению некоторых видов деятельности как относящихся к ведению социальной работы, что влияет на способы и направления деятельности. Блокируются каналы трудоустройства специалистов с высшим образованием по социальной работе. В результате выпускники с таким образованием занимаются чем угодно, только не тем, к чему они готовились в течение четырех-шести лет, получая диплом бакалавра, специалиста или магистра.

Выводы

Какой может быть перспектива профессиональной социальной работы в России? Пессимистический сценарий: в ближайшем будущем сохранится низкая оплата труда специалистов по социальной работе, им не будут созданы условия для успешной профессиональной карьеры. Первичные и вторичные агентства социальной работы будут продолжать рекрутировать рабочую силу из других профессий или из числа лиц, не имеющих соответствующей подготовки, но зато нетребовательных к условиям труда, перспективам продвижения. Развитие негосударственных программ и социальных служб будет ограничено существующими административными барьерами. Когда произойдет полная смена поколений администраторов учреждений социальной сферы, возможно частичное заполнение рабочих мест в таких организациях дипломированными специалистами. Довольно продолжительный период отсутствие спроса на таких специалистов будет

компенсироваться широкими программами получения второго высшего образования и системой профессиональной переподготовки. Профессионалы в области социальной работы все это время будут активно мигрировать в смежные сферы Деятельности, где может быть востребована какая-либо часть знаний, которые они получили, или перемещаться за рубеж, где сохраняется высокий спрос на социальных работников и где можно найти работу по специальности.

Оптимистический сценарий предполагает создание благоприятных экономических и административных условий, в рамках которых будет поощряться развитие негосударственных социальных проектов и организаций социальной помощи. Это могут быть открытые конкурсы, тендеры, программы грантов, бюджетные средства будут направляться на зарекомендовавшие себя или инновативные проекты реабилитационных, кризисных центров, учреждениям по предупреждению правонарушений, на программы помощи больным, инвалидам и пожилым. Обеспечение безбарьерной среды должно стать условием реализации проектов в сфере общественного транспорта, городского планирования, жилищного строительства. Такие проекты в качестве обязательного компонента будут включать экспертизу со стороны социальных работников и участие специалистов в разработке соответствующих программ, проектов и видов деятельности. Для занятия руководящей должности, начиная с менеджера и руководителя отдела и выше в сфере социальной работы в государственных учреждениях, станет обязательным наличие у претендента соответствующего базового образования. Уровень зарплаты специалистов с высшим образованием по социальной работе сравняется с таковым в школах, вузах, медицинских учреждениях, а

там, где работа ведется в экстремальных условиях, будут введены адекватные надбавки.

Все это привлечет новые, инновативно мыслящие кадры в систему социальной защиты, позволит перевести социальную работу с резидуального на институциональный принцип и в целом положительно отразится не только на статусе профессии, но и на качестве жизни населения. Можно предположить, что такое повышение статуса повлияет на гендерную стратификацию профессии. Здесь появится больше специалистов-мужчин, даже в тех сферах, которые связаны с заботой и обслуживанием, привычно ассоциируемым с женской работой. В свою очередь социальная сфера и при абсолютном преобладании занятых в ней женщин (в том числе и на уровне принятия решений) приобретет высокий престиж.

Библиографический список

1. Карелова Г. Н. Социальная защита в XXI веке // История российских социальных служб. Хронограф / Под ред. Г. Н. Кареловой, В. И. Жукова. М., 2001.
2. Ковалева Л. А., Коростина С. И. Показатели мотивации труда социальных работников и новые пути развития социальной службы района (на примере Управления социальной защиты населения Борского района Самарской области). Обращение к документу 22.10.2001 // <http://www.samara.ru/~icpo/projects99.html>.
3. Конституция Российской Федерации. М., 1999. Ст. 7 (п. 1, 2).
4. Понятовская О. Дипломированные уборщицы // Социония. Прил. к журналу «Социальная защита». 2001. № 5.
5. Понятовская О. Это – профессионалы // Там же. 1998. № 10.
6. Романов П. В. Социологические интерпретации менеджмента: исследования управления, контроля и организаций в современном обществе. Саратов, 2000.
7. Романов П. В. Управление социальными службами: проблемы идентичности // Социальный менеджмент: опыт, исследования, образование. Саратов, 2001.

8. Социальная политика, парадигмы и приоритеты / Под. ред. В. И. Жукова. М., 2000.
9. *Шахназаров О. Л.* Территориальные проблемы социальной политики. М., 2000.
10. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. 2001. № 5.
11. *Coulsheld V.* Management in Social Work. L., 1993.
12. *Johnson H. W.* Basic Concepts: Social Welfare, Social Work and Social Services // Ed. H. W. Johnson. The Social Services: An Introduction. Itaca, 1995.
13. *Lipsky M.* Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Service. N.Y., 1980.
14. *Peterson E., Plowmen G.* Business Organization and Management. N.Y., 1959.
15. *Skidmore R. A.* Social Work Administration. Dynamic Management and Human Relationships. Englewood Cliffs, 1990.
16. *Warham J.* An Introduction to Administration for Social Workers. L., 1975.
17. *Wilensky H. L., Lebeaux C. N.* Industrial Society and Social Welfare. N.Y., 1965.

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА: ФОРМИРОВАНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИСКУРСА

А. А. Петрова

При рассмотрении научной дисциплины как системы дискурсивной деятельности различают интернальный и экстернальные аспекты. Изучение первого аспекта подразумевает выявление внутродисциплинарных источников содержания нового направления. Изучение второго аспекта может быть связано, например, с влиянием вне-научных дискурсов (дискурса контркультуры как неакадемической критики общества модерна, политических дискурсов и т.п.), которые могут препятствовать становлению доминирующего образца исследования и переходу дисциплины в «нормальную» фазу (в терминологии Т. Куна).

Социология научного знания практически безоговорочно признает дискурсивный характер научной деятельности [6; 21; 24]. При этом необходимо учесть следующее. Во-первых, дисциплина возникает не на пустом месте, ее продвижение, как любой другой инновации, отчасти определяется уже устоявшимися в науке и обществе иерархиями и принципами. Ясно, что всякая инновация вносит определенные изменения в сложившиеся структуры. Во-вторых, новое направление исследований должно подчиняться двойной логике: становления изучаемого предмета и научного дискурса. В-третьих, в дискурсе формирующегося научного направления возможна борьба за самоопределение: за формирование особого языка, определение границ объекта исследования, своего

места в научных институтах и в корпусе научных текстов.

В многочисленных определениях дискурса выделяются общие черты: 1) семиотическая (или более узко – языковая) природа, 2) организованность (свойственная любой знаковой системой), 3) привязанность к действию или практике/праксису (со всеми вытекающими отсюда коннотациями и отсылками к романтической или марксистской философии языка).

Один из разработчиков теории и практиков дискурс-анализа Мишель Пешё предлагал разграничить три составляющих дискурсивной формации: «материальный базис», или институты, «внутренний порядок», или интрадискурс, и интердискурс – отношения с другими типами высказываний и дискурсивными формациями [14]. Институты выступают как базовые и очевидные составляющие. Например, политический дискурс, относящийся к риторическому жанру, следует рассматривать не только как чистую полемику, но и в контексте республиканских собраний, в которых такое обсуждение может иметь реальные последствия. Данные институты, в свою очередь, могут анализироваться с точки зрения их роли в социальной иерархии коммуникаций, их способности присваивать специфические единицы и устойчивые идеологические значения в качестве средств достижения результатов в особых социально-политических или идеологических взаимодействиях и функциях [14, р. 145].

Различение интра- и интердискурса в большей мере является аналитическим, нежели субстантивным: оба аспекта тесно переплетаются в языковых компонентах дискурсивной формации. Однако если интрадискурс – это относительно «мирное сосуществование» знаков, то «между дискурсивными системами существуют... отно-

шения, построенные на силе» [3, с. 537]: именно в интердискурсе представлена гетерологичность знания.

Основной смысловой единицей научного дискурса является утверждаемая или опровергаемая пропозиция, или *научное высказывание о чем-то*. Чтобы пропозиция имела смысл, ей необходим особый контекст, задающий саму возможность проверить то, что она утверждает (или опровергает).

Т. ван Дейк подчеркивал, что для любого дискурса (как системы коммуникативных действий) важную роль играет «управление» топиками (семантическими макро-структурами) и их сменой. Например, редакторы решают, какие новые топики будут фигурировать в дальнейших выпусках, а преподаватели определяют, какие темы будут затронуты на занятии, и т.п. [12]. Общим интересом в научном дискурсе является познание, однако участники дискуссий защищают разные позиции, так что за позицией в дискуссии скрывается не сиюминутный интерес, а отношения, сложившиеся в науке или в интеллектуальной сфере в целом.

Топики, представленные в тексте социологии Интернета, соотносятся с 'конечным числом различений. Эти различения вместе с формулируемыми на их основе проблемами должны быть, с одной стороны, традиционными для социологии, а с другой – специфичными для (социологического) исследования Интернета.

Интрадискурсивными для социологии Интернета как дисциплины можно считать схемы «научной рациональности» и критики этой «рациональности». Именно «просвещенческие» и «контрпросвещенческие» схемы задают такие различения, как «свободный» и «контролируемый», «частный» и «публичный», «письменный» и «устный», «обман» и «доверие». Вариантов этих различений

достаточно много. Разумеется, здесь следует проявить осторожность: после того как историки вскрыли «фрагментарность» и «разорванность» новоевропейской рациональности, мы больше не можем воспринимать «просвещенческие схемы» как нечто внутренне согласованное, однозначно сформулированное и целостное.

Однако сам факт исторической критики (а критика рассматривает свой предмет как нечто целостное или хотя бы претендующее на целостность) позволяет говорить об «общей интенции» к рациональности, об определенном отношении к современности как к времени действия или модерна как к исторической эпохе (в духе Ю. Хабермаса, К. Касториадиса и прочих или в духе критиков «проекта Современности»). Критика сама не менее разнородна, чем критикуемые ею схемы (Т. Адорно и франкфуртцы, постмодернисты М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотар и др., консервативные критики Дж. Грей, А. Макинтайр).

Преобладание той или иной проблематики формирует тематическую структуру научной дисциплины. Иначе говоря, преобладающая идеологическая схема задает семантическую, а вместе с ней и прагматическую асимметрию макроструктур дискурса, а идеологические мотивы как экстратеоретические факторы могут в полной мере оправдать* выбор определенных объектов для рассмотрения.

В статье мы рассматриваем особенности тематического структурирования социологии Интернета

* О ставшей автономии дискурсивного образования будет свидетельствовать повышение самореференциальности при оправдании выбора объекта исследования.

Порядок «внутренних различий» дисциплинарного дискурса социологии Интернета, сложившийся к настоящему времени, содержит ряд оппозиций.

Виртуальное vs реальное. Поскольку виртуальная реальность – это одно из технологических оснований Интернета, данное разделение рассматривается как вполне естественное. За описанием Интернета как множества виртуальных миров неизбежно стоит независимое от «традиционных» дискурсов представление о виртуальном. В то же время социология Интернета не может быть совершенно независима от социологического и научного дискурса в целом, что придает неоднозначность оппозиции реального и виртуального.

Социология традиционно настаивает на выделении «социального» в качестве своего предмета, поэтому для нее важно различие социального и не социального. Делая опосредованные компьютером коммуникации предметом социологического исследования, мы вынуждены признавать их социальность. При этом оказывается, что их социальность отличается от привычной, реальной: в ней действуют специфические, не принятые в реальном обществе механизмы, а некоторые принятые – не действуют. Виртуальные коммуникации происходят в специфической среде, и ее особенности накладывают отпечаток на их протекание [17; 18].

Итак, телекоммуникации должны описываться как нечто отличное от того, что существовало раньше. Подобный императив выводится из утопических идеалов адептов виртуальных сообществ, которые проектировали и строили их как альтернативу существующему обществу, которая должна была привести к парадигмальному сдвигу [16, р. 648], как проект освобождения, преодоления ограниченности физического и социального пространств.

В этой перспективе Интернет представляется как автономное образование, коренным образом отличающееся от традиционных сообществ, особенно в свете утверждений о том, что «новые технологии будут продолжать *изменять наши традиционные представления* о пространстве и времени» [22] *.

Таким образом, в противопоставлении физического и социального пространств киберпространству последнему приписывается независимый и равноценный *статус*. Киберпространство онтологизируется как пространство *sui generis*, отделенное от реального мира. При таком понимании любую деятельность, связанную с виртуальными коммуникациями, можно трактовать как уход, или бегство от реальности, что делает возможной аналогию с любым вариантом эскапистского поведения: теперь в дискурсе можно проблематизировать, например, Интернет-аддикцию.

«Прирост знания» в результате исследования состоится, если будет утверждаться нечто, отличное от того, что было известно ранее; новое знание должно соотноситься с тем, что уже было известно субъекту познания. (В этом смысле субъект преконструируется дискурсом.) Поэтому отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, какими способами может конструироваться соотношение известного и отличного от него. Традиционным для всякого исследования является обоснование значимости рассматриваемой темы.

Виртуальное может соотноситься с реальным и исследоваться как:

- значимое, важное для реального;

* Эта цитата, как и все последующие, приводится как иллюстрация, а не как доказательство.

- влияющее на реальное;
- схожее с реальным, т.е. управляемое теми же законами, обладающее подобными характеристиками.

Многие, в том числе и академические работы об Интернете начинаются с более чем оптимистических утверждений о значимости информационных и коммуникационных технологий в современном обществе; часто утверждают, что «современный Интернет – *выдающееся* достижение технической мысли» [4, с. 4]. Такое оправдание интереса характерно больше для публицистического, чем для научного текста. Правда, к этому типу предикации тяготеют и «новые» направления научного знания, которым не хватает автономного, самореферентного оправдания. В этом случае апеллируют не к истории «разворачивания дискурса» – высказываниям предшественников и оппонентов, а к самому изучаемому предмету и его значимости для внешних по отношению к науке институций.

Обоснование значимости изучения Интернета его влиянием на общество, на «традиционные формы социальности» не мешает включать в дискурс сложные научные модели из «развитых», устоявшихся теорий общества. Однако и при теоретическом фундировании социологический дискурс может конституироваться и как автономно-научный, и апеллировать к внешнему.

К примеру, исследователи могут доказывать, что коммуникация, опосредованная компьютером, оказывает сильное влияние на образцы взаимодействия между участниками, или рассматривать воздействие опосредованной компьютером коммуникации в терминах более общих теорий действия и утверждать, что «компьютеры и информационные системы находят применение во все новых областях человеческой практики, *оказывая воз-*

действие на психические процессы и трансформируя не только отдельные действия, но и человеческую деятельность в целом» [2, с. 11], и что «применение компьютерных сетей *ведет к* структурным и функциональным *изменениям* психической деятельности человека» [1, с. 55].

Те же исследователи, которые пытаются «измерить» влияние информационных технологий на интегрированность общества и построить индексы «общности» и «балканизации» знания, ссылаются на социологические теории обмена, абстрактные сетевые модели и мало беспокоятся о «внешнем» оправдании предмета своего исследования [8, р. 2–31].

Самыми «сильными», по-видимому, будут высказывания о реальности или сходстве с реальностью виртуальных коммуникаций, так как они прямо противоречат презумпции отличия, введенной в дискурс для выделения дисциплины. В этом случае используется интегративная риторическая стратегия. Она требует включения наиболее сложных методических схем, например, тех, которые применяются в исследованиях групповой динамики в виртуальных сообществах и способов выстраивания межличностных отношений в сети. Эта стратегия используется в работах Велмана – классика социологии Интернета, который описывает виртуальные сообщества так же, как реальные [29; 30].

Данная стратегия интеграции в дискурсивный контекст важна не только в содержательном, но и в методологическом плане. К примеру, ответ на вопрос о степени сходства между процессами, происходящими в виртуальных коммуникациях и традиционно изучаемых социологией, определит, насколько возможно использовать разработанные в социологии теоретические схемы и методики. Поэтому в предисловии к специализированному

выпуску электронного журнала «*Cybersociology Magazine*» о виртуальных сообществах главный редактор начинает именно с социологического определения термина «сообщество» [15], чем, возможно, предопределил дисциплинарный характер присылаемых авторами материалов для публикации.

Хотя развитие виртуальных сообществ начиналось под знаком «разрушения социальных границ и освобождения индивидов от социальных влияний и группового давления, обесценивания статусной и властной дифференциации» [13, р. 689], появление этой социальной формы породило новые основания для дифференциации. В некоторых работах утверждается, что устойчивые виртуальные коммуникации ведут к усилению балканизации, в то время как разнообразие видов деятельности и участие сразу во множестве виртуальных сообществ снижает ее. Однако поддержание разнообразия контактов требует значительных затрат времени. Причем, по мнению исследователей, балканизация и первоначально неорганизованная фрагментация сети в дальнейшем должна привести в четкой и упорядоченной дифференциации [13, р. 689].

В киберпространстве не вполне преодолеваются языковые барьеры. Не владеющие английским языком пользователи исключаются из большинства видов глобальной сетевой активности ввиду доминирования английского языка. Утверждения, что графическая природа виртуальной реальности и машинный онлайн-перевод в реальном времени позволят преодолеть языковые барьеры, отражают наивную веру во всемогущество технологий. Язык разделяет людей, и разделение выгодно носителям

доминирующих языков *. Даже в международных академических сетях отмечается доминирование пользователей из США.

Если Интернет – это альтернативная реальность, то следует критически рассмотреть, кто создает эту реальность. Это касается не только доступа к информации в киберпространстве, но и возможности вводить и изменять данные и тем самым строить образы виртуального мира.

Классовые различия также могут оказаться не менее эффективным дифференцирующим признаком в сетевом пространстве, чем в реальном мире. Несмотря на все заявления о равенстве в киберпространстве, сам доступ и необходимые навыки все еще являются результатом привилегированной классовой позиции: депривированных исключает не рука «злого тирана», а невидимая рука рынка. Кроме того, некоторые авторы указывают на возрастную дифференциацию в Интернете, критически исследуются возможности использования телекоммуникаций и инвалидами [27; 31].

В некоторых теоретических работах идея о том, что новые информационные технологии ускоряют распространение информации и уравнивают всех, кто имеет к ним доступ, получила основательное опровержение. Оказалось, что ожидания относительно ускоряющегося распространения информации и параллельной гомогенизации общества благодаря информационно-коммуникационным технологиям основывались на предположении о том, что структура и культура общества останутся неизменными [15]. Даже если новые коммуникационные технологии

* Данное явление обычно описывается как «культурный империализм» в Интернете.

станут доступны большинству населения Земли, это не приведет автоматически к равенству между людьми.

В теме стратификации используются разные варианты предикации, но основное внимание уделяется поиску стратификационных оснований в Интернете, которые все более сближаются с реальными. Причем исследователи виртуальной стратификации, как и их коллеги, занятые структурой реального общества, часто исходят из критической традиции; в ряде работ предлагаются новые модели организации виртуальных сообществ и средств коммуникации, которые помогут открыть новые возможности для участия депривированных пользователей.

Письменное vs. устное. Различение *письменного* и *устного*, тоже значимое в теоретико-методологическом плане, оказывается гораздо теснее связанным с различием реального и виртуального, чем может показаться на первый взгляд, поскольку формы (и жанры) виртуальных коммуникаций определяются по аналогии с письменными и устными формами традиционной (социальной) коммуникации.

Среди важнейших характеристик виртуальной среды, связанных с основополагающими принципами Интернет-технологий, исследователи указывают на (1) сенсорную редуцированность (особенно в текстовых средах) и (2) нелинейность, гипертекстовость сети. В соответствии с этими характеристиками телекоммуникаций выделяются два топика.

К первому топик у относятся исследования «псевдоустной коммуникации» в виртуальных сообществах. Виртуальные сообщества организуются вокруг онлайн-овых «публичных форумов», «агор», таких, как «комнаты» чатов или системы телеконференций. Рейнгольд утверждает, что члены виртуальных сообществ собираются для

участия в таких видах деятельности, в каких они участвуют в реальном мире. Единственное существенное различие в том, что взаимодействие происходит через письменный, т.е. напечатанный на экране текст.

В исследованиях многопользовательских сред (MUD), которые зачастую опираются на концепцию социальной обработки информации (Social Information Processing Perspective), описываются факторы научения в онлайн-режиме вербализовать то, что, как правило, остается невербализованным вне сетевых практик. Установлено, что для развития экспрессивных возможностей значимой является паралингвистическая вербализация, эффективность которой определяется установкой на социабельность (дружелюбие) или скептицизмом по отношению к компьютерной коммуникации. Получены данные о том, что дружеское общение с помощью паралингвистических знаков, предусмотренных в MUD, успешнее развивается участниками, имеющими низкие показатели по шкале скептицизма. Исследователи этого направления в качестве эмпирического материала используют тексты посланий, которыми обмениваются участники чатов, MUD и рассылок Usenet [28].

Второй топик более теоретичен. Авторы реже ссылаются на эмпирические данные и основывают свои нарративные, макроисторические рассуждения на готовых социально-философских концепциях: «печатаение несомненно способствовало замене средневековой организации знания... Компьютерные технологии (текстовые редакторы, базы данных, электронные доски объявлений и электронная почта) начинают вытеснять печатные книги» [11, р. 2].

Гипертекст представляется основной формой «организации» в Интернете и может описываться как децентри-

рование [19, р. 36–38], подобие «ризомы» Делеза, «революция» [20, р. 6], как нечто, дающее неограниченную власть манипулировать символами, текстами образами. Полагают, что визуальные образы и звуки, используемые в компьютерных пользовательских приложениях, становятся элементами топиков, так как пишущие интегрируют их в общую структуру дискурса и, оперируя образами, могут отнести образ одного топика к другому, связывая их в общую сеть вербальных и визуальных топик [10, р. 113].

Таким образом, значимость различия устного и письменного обусловлена значимостью дихотомии реального и виртуального. Интернет описывается как отличное от реального пространство, в котором трансформируются принципы производства текстов/высказываний. Опираясь на это различие, исследователи преимущественно исходят из риторической стратегии дифференцирования. При этом возможен выбор между эмпирическими микросоциальными моделями коммуникации, специально разрабатываемыми для изучения виртуальных сообществ, и макроисторическими нарративными схемами, описывающими формы организации коммуникативного действия в Интернете как «историческую формацию» вроде «способа производства текстов».

Свобода vs. контроль – третья важная оппозиция. Коммуникации, опосредованной компьютером, иногда приписывают власть разрушать социальные границы, освобождать индивидов от социальных влияний, группового давления, статусных и властных различий, которые непосредственно проявляются в общении «лицом к лицу» [30, р. 689]. Виртуальное сообщество описывается как пространство *свободы*, где контрактные отношения гарантируют свободу и равные возможности всем участникам

взаимодействия. Такое понимание вполне объяснимо, поскольку исторически развитие Интернета оказалось связано с деятельностью активистов контркультуры, исходивших из утопических, либертарианских идеалов. Однако из либертарианские манифесты нельзя не подвергнуть сомнению.

Сами социальные и технологические условия возникновения виртуального сообщества определяют неравенство возможностей и формируют ограничения для некоторых пользователей (т.е. ограничений на свободу). В виртуальном сообществе сочетание развитых технических навыков работы на компьютере с высокой языковой / коммуникативной компетентностью (как предпосылка для создания и поддержания самого виртуального сообщества) встречаются у пользователей с высоким статусом и престижем.

Провал проекта реализации полной свободы в киберпространстве был очевиден уже давно. В середине 1970-х гг. Р. Стоун писала, что настала эпоха надзора и социального контроля в электронных виртуальных сообществах. В самом начале периода, названного одним из участников сообщества «кануном свободного выражения», появились технические средства, позволяющие системным администраторам проследить деятельность пользователей и подвергать цензуре «неприемлемые» послания [25, р. 107]. Если виртуальное сообщество проектируется как публичное пространство свободного обсуждения, то может ли оно обойтись без институционального обеспечения этой свободы? Системный администратор в конференции Usenet и «маг» в MUD оказываются необходимыми для поддержания свободы.

Кроме того, для понимания как необходимого элемента коммуникации кто-то должен обеспечивать более или

менее универсальные основания дискурса. Для этого требуются ограничения в выборе топиков, способов построения высказываний, что естественным образом ведет к формированию дополнительных форм (может быть, менее фиксированных, чем в обществе) контроля за высказываниями в свободном обсуждении. Полагают, что источники этих форм контроля должны быть более диверсифицированы и в большей степени основываться на саморегуляции, чем в реальном обществе.

Предположение о большей индивидуальной свободе и относительной анонимности в сети приводит к формулированию гипотез в терминах социально-психологической модели «эффектов деиндивидуализации социальной идентичности»^{*}. В соответствии с этой теоретической моделью деиндивидуализирующие условия опосредованной компьютером коммуникации приводят к увеличению антинормативного поведения.

Хотя вторичный анализ исследований не обнаружил значимой связи^{**} между антинормативным поведением и деиндивидуализирующим влиянием относительной анонимности и отсутствия карательных институтов в компьютерной коммуникации, оказалось, что переменная «ситуативной нормы» имеет значительную объяснительную и предсказательную силу для повышенного уровня антинормативного поведения в сети по сравнению с реальным обществом [23, р. 697–698]. Поведение, нарушающее универсальные нормы, оказывается нормативным в специфической ситуации и, следовательно, не яв-

^{*} Social Identity Deindividuation Effects (SIDE-Model) – модель, используемая также для объяснения массовидных форм поведения.

^{**} $R^2 = 0,09$.

ляется свободным, случайным, не порождается только частными интересами.

Таким образом, различие «свободы и контроля» позволяет строить как высокотеоретичные, абстрактные схемы, так и прикладные модели. Обе стратегии могут оцениваться и в риторическом аспекте: как убедительные или неубедительные в контексте конкретных топиков.

Данное различие оказывается значимым и в методологическом плане, поскольку имплицитно тему предсказуемости процессов виртуальных коммуникаций и возможности построения соответствующих аналитических моделей. По-видимому, определение виртуальных коммуникаций в терминах неуправляемой свободы исключает возможность разработки строгих, экспериментальных методик.

Публичное vs. частное. В исследованиях виртуальных сообществ часто рассматривается эффективность разных видов сетевой активности. Если в обществе существует противоречие между реализацией частных интересов и обеспечением общих/общественных условий, в которых эти интересы могут быть реализованы, то следует находить механизмы уравнивания *публичного и частного*.

Отсюда возникает тема формирования институтов, систем действий по обеспечению нормального функционирования виртуальных сообществ. Если виртуальные сообщества создавались в пике контрактным рыночным отношениям, то в них должны отсутствовать «нормальные» механизмы, посредством которых подобные проблемы решаются в «современном» обществе. Отсюда логичным выглядит обращение к антропологическим данным об обществах, в которых отсутствуют современные институты, и предположение о том, что «хозяйство» вир-

туальных сообществ основывается на регламентированном «обмене дарами» [17, р. 221–226]. Регламентация «обмена дарами» и коммуникативного действия в виртуальном сообществе в целом должна производиться опосредованно, через выделение определенных позиций и ролей по урегулированию конфликтов и поддержанию «нормальной» коммуникации [26, р. 139–142].

В работах известного исследователя виртуальных коммуникаций П. Коллока развивается идея о том, что ценность «общего блага» изменяется при переходе от реального к онлайн-овому взаимодействию. Тот факт, что многие «публичные блага», производимые в Интернете, представляют собой цифровую информацию, означает их неисчерпаемость: обращение к информационным ресурсам одного пользователя ничуть не снижает их доступность для других пользователей. Передача информации в Интернете тоже становится легче и дешевле. Эти характеристики электронных ресурсов вызывают беспокойство владельцев интеллектуальной собственности, но стимулируют тех, кто заинтересован в создании «публичных благ» [18, р. 225]. Каждый день пользователи распространяют бесплатную информацию через электронную почту и списки рассылки, телеконференции и веб-сайты. Свободное распространение (freeware) таких программных продуктов, как Apache и Linux, продвинуло их технологический уровень дальше, чем программы, разрабатываемые на коммерческой основе [9].

Из противоречия частного и публичного вырастают темы обеспечения свободы слова, свободы дискуссий, свободной публичной сферы в киберпространстве. Они обслуживаются понятиями «киберполитика», «сетевые идеологии», «онлайн-овый активизм» и «электронная демократия».

Таким образом, сформировались два противоположных течения. Первое течение представлено работами идеологического и теоретического характера, в которых Интернет рассматривается как пространство новых возможностей для публичной сферы, для освобождения от частного в совместной творческой деятельности. Второе течение демонстрирует сильный интерес к научным и маркетинговым исследованиям потребительского поведения Интернет-пользователей [25, с. 146]. Представители второго течения проводят большое количество эмпирических исследований участников виртуальных коммуникаций.

Доверие vs. обман. Ряд исследований строится на оппозиции доверия/обмана, или истинности/ложности сигналов. В Сети создаются виртуальные персонажи, которые и являются действующими лицами в процессе коммуникации [13, р. 29–30]. Здесь важную роль играет понятие идентичности как базовой единицы социального взаимодействия.

Все наши взаимодействия, даже с незнакомыми людьми, формируются под воздействием образа того, с кем мы вступаем во взаимодействие. В общении «лицом к лицу» и по телефону доступно множество коммуникативных кодов, показывающих нашу идентичность и наши намерения. Одежда, голос, осанка, жесты передают информацию о статусе, власти и групповой принадлежности. При онлайн-общении многие коды оказываются недоступными. Вследствие технологической ограниченности мы имеем дело с редуцированными сигналами, что оставляет место для «игры идентичностями». Какая идентичность создается в онлайн-сообществах – истинная или сконструированная, ложная? Обман дает определенные преимущества участнику игры, однако эти

преимущества будут значимы, если хотя бы часть членов сообщества подает «честные» сигналы о своей идентичности.

В социологических работах, использующих это различие, очень распространена метафора театра, которая позволяет переформулировать проблему обманного / действительного в терминах саморепрезентации и «игры идентичностями». «Саморепрезентация, таким образом, становится наиболее важной для инициации опосредованного компьютером общения с другими людьми и для управления им» [37, с. 40]. По существу конструируется новый объект исследования, в котором отсутствуют привычные для исследований реальности топики и аспекты. Редуцированность этого объекта с точки зрения новых теорий не является недостатком.

Итак, формирование социологического дискурса о виртуальных коммуникациях предполагает развитие признаваемого корпуса терминов и достижение некоторого консенсуса об основных проблемах исследований. Дискурс становящейся дисциплины не может довольствоваться технической терминологией, ему требуется обращение к инструментам других дисциплин, исследующих Интернет: теории литературы, политической теории, антропологии, исследований культуры, постструктурализма, истории и историографии, а также к наиболее общим идеологическим представлениям об объекте, выходящим за узкодисциплинарные рамки. Поэтому социологический научный дискурс «колонизирует» язык социальных утопий и «идеологических проектов» (в частности, остатков «Проекта Просвещения»), преобразует их метафорические структуры и способы формирования буквальных и образных значений.

Библиографический список

1. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Мотивация пользователей Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А. Е. Войскунского. М., 2000.

2. Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смылова О.В. Интернет: Воздействие на личность // Там же.

3. Барт Р. Война языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1994.

4. Войскунский А.Е. Гуманитарный Интернет // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М., 2000.

5. Войскунский А.Е., Бабанин Л.Н., Арестова О.Н. Социальная и демографическая динамика сообщества русскоязычных пользователей компьютерных сетей // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М., 2000.

6. Гилберт Д.Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: Социологический анализ высказываний ученых / Пер. с англ. М. Бланко. М., 1987.

7. Фриндте В., Келер Т. Публичное конструирование «Я» в опосредованном компьютером общении // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М., 2000.

8. Alstynе M. van, Brynjolfsson E. Electronic Communities: Global Village or Cyberbalkans? Date of access: June 25 2001. Available at URL: <<http://web.mit.edu/marshall/www/papers/CyberBalkans.pdf>>.

9. Barbrook R. The High-Tech Gift Economy // Cybersociology Magazine. Issue 5. Date of access: June 25 2001. Available at URL: <<http://www.cybersoc.com/magazine/5barbrook.html>>.

10. Bolter J.D. Topographic Writing: Hypertext and the Electronic Writing Space // Hypermedia and Literary Studies / Ed. by G.P. Landow, P. Delany. Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press, 1995.

11. Bolter J.D. Writing Space: The Computer, Hypertext and the History of Writing. Hillsdale. N.Y., 1991.

12. Dijk T.A. van. Opinions and Ideologies in Editorials. Date of access: June 25 2001. Available at URL: <<http://www.hum.eva.nl:80/~teun/editoria/htm>>.

13. Donath J.S. Identity and Deception in the Virtual Community // Communities in Cyberspace / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. L., N.Y., 1999.

14. Goodrich P. Legal Discourse: Studies in Linguistics, Rhetoric and Legal Analysis. L., 1987.

15. *Hamman R.* Introduction to Virtual Communities Research and Cybersociology // *Cybersociology Magazine*. Issue 2. Date of access: June 25 2001. Available at URL: < <http://www.cybersoc.com/magazine/s2intro.html>>.

16. *Kang N., Choi J.H.* Structural Implications of the Crossposting Network of International News in Cyberspace // *Communication Research*. Vol. 26. № 4. August 1999.

17. *Kollock P.* The Economies of On-line Cooperation: Gifts and Public Goods in Cyberspace // *Communities in Cyberspace* / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. L.; N. Y., 1999.

18. *Kollock P., Smith M.A.* Communities in Cyberspace: Introduction // *Communities in Cyberspace* / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. L.; N. Y., 1999.

19. *Landow G.P.* Hypertext 2.0: The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology. Baltimore: L., 1997.

20. *Landow G.P., Delany P.* Hypertext. Hypermedia and Literary Studies: The State of the Art // *Hypermedia and Literary Studies* / Ed. by G.P. Landow, P. Delany. Cambridge; L., 1995.

21. *Mulkey M.* Sociology of Science: A Sociological Pilgrimage. Bloomington, 1991.

22. *Nguyen D.T., Alexander J.* The Coming of Cyberspacetime and the End of the Polity // *Cultures of Internet: Virtual Spaces. Real Histories. Living Bodies* / Ed. by R. Shields. L., 1996.

23. *Postmes T., Spears R., Lea M.* Breaking or Building Social Boundaries? SIDE-Effects of Computer-Mediated Communication // *Communication Research*. 1998. Vol. 25. № 6. December.

24. *Potter J.* Representing reality: Discourse, Rhetoric and Social Construction. L., 1997.

25. *Reid E.* Hierarchy and Power: Social Control in Cyberspace // *Communities in Cyberspace* / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. L.; N. Y., 1999.

26. *Smith A. D.* Problems of Conflict Management in Virtual Communities // *Communities in Cyberspace* / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. L.; N. Y., 1999.

27. *Thomas R.* Access and inequality // *Information technology and society: A Reader* / Ed. by N. Heap et al. L., 1995.

28. *Utz S.* Social Information Processing in MUDs: The Development of Friendships in Virtual Worlds // *Journal of Online Behavior*. Vol. 1.

№ 1. 2000. Date of access: April 10, 2001. Available at URL: <http://www.behavior.net/JOB/v1n1/utz.html>.

29. *Wellman B., Gulia M.* Virtual Communities as Communities: Net-Surfers Don't Ride Alone // *Communities in Cyberspace* / Ed. by P. Kollock, M.A. Smith. L.; N.Y., 1999.

30. *Wellman B., Hampton K.* Living Networked On and Offline // *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. 1999. Vol. 28. № 6. November.

31. *Wright K.* Computer-Mediated Social Support, Older Adults, and Coping // *Journal of Communication*. 2000. Vol. 50. № 3. Summer.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ...

И. В. Самаркина

Дистанционное обучение (ДО) – это технология обучения, при которой целенаправленное опосредованное или не полностью опосредованное взаимодействие обучающегося и преподавателя осуществляется на основе информационных технологий, прежде всего с использованием средств телекоммуникации и телевидения (Приказ от 18.12.2002 № 4452 «Об утверждении методики применения дистанционных образовательных технологий (дистанционного обучения) в образовательных учреждениях высшего, среднего и дополнительного профессионального образования Российской Федерации»: Зарегистрировано в Минюсте РФ 24.12.2002 № 4071).

Как я впервые познакомилась с дистанционным обучением...

Два года назад, будучи на стажировке в университете штата Индиана (США), я записалась на курс коммуникативистики. Первый день занятий был полон сюрпризов. Лекция должна была состояться в огромной аудитории, буквально напичканной всевозможной техникой. Видеокамеры, магнитофоны, видеопроекторы и мультимедиасистемы потрясли вообра-

жение и немножко угнетали. Каково же было мое удивление, когда к моменту появления лектора в аудитории находилось всего четыре(!) студента. Я бурно возмущалась про себя: «Что о себе думают эти американцы! Нашим бы студентам такие возможности...!», а преподаватель казался чрезвычайно довольным и приветствовал «аудиторию из 148 студентов, записавшихся на этот курс». Оказалось, что большинство моих коллег находилось в десятках, а иногда и сотнях километров от университета. Они имели возможность дома или в общежитии принимать специальный телеканал, по которому шла телетрансляция лекции, или в случае необходимости могли заказать в университете видеокассеты с записью занятий. С преподавателем все общались по электронной почте, присылая зачетные работы. И только дважды в течение семестра происходила личная встреча студента и преподавателя: на промежуточном и итоговом экзамене.

Уже давно стала банальной фраза, что мир вокруг нас меняется все быстрее. Тем не менее это действительно так. Информационное общество предъявляет новые требования к тем, кто желает быть его успешными членами. Одно из основных требований связано с качеством профессиональной подготовки. Необходимость соответствовать постоянно меняющимся и растущим требованиям профессионального сообщества влечет за собой возникновение новых форм совершенствования профессиональной квалификации.

Быстрое изменение социальной структуры общества, сопровождающее процесс социальной трансформации также вызывает необходимость для многих социально-профессиональных групп искать пути и формы оптимальной профессиональной переподготовки. И даже в

традиционном вузовском образовании использование информационных технологий открывает для студентов и преподавателей новые широкие горизонты в профессиональной подготовке.

Изменяющееся общество и его потребности влекут за собой появление новых технологий обучения, опирающихся на достижения информационного общества.

Одной из сравнительно давно существующих альтернатив традиционным занятиям в аудитории под руководством преподавателя является компьютеризованное обучение (Computer-Based Training, CBT), под которым обычно понимается использование компакт-дисков для обучения в традиционной студенческой аудитории. Достаточно широко распространены технологии обучения при помощи телевизионной связи и видеокурсов. Распространение Интернета позволяет сделать еще один шаг по пути совершенствования технологий обучения. В пользу подобной основы для различных моделей дистанционного обучения говорит ряд факторов, обусловленных дидактическими свойствами этого средства информационных технологий. Речь идет о возможности:

- чрезвычайно оперативной передачи на любые расстояния информации любого объема, любого вида (визуальной и звуковой, статичной и динамичной, текстовой и графической);
- оперативного изменения информации через сеть Интернет со своего рабочего места;
- хранения этой информации в памяти компьютера в течение необходимого времени, ее редактирования, обработки, распечатки и т.д.;
- интерактивности с помощью специально создаваемой для этих целей мультимедийной информации и оперативной обратной связи;

- доступа к различным источникам информации, в первую очередь к веб-сайтам Интернета, удаленным базам данных, многочисленным конференциям по всему миру через систему Интернет, работы с этой информацией;
- организации электронных конференций, в том числе в режиме реального времени, компьютерных аудио-конференций и видеоконференций;
- диалога с любым партнером, подключенным к сети Интернет;
- запроса информации по любому интересующему вопросу через электронные конференции;
- переноса полученных материалов на свою дискету, чтобы распечатать их и работать с ними тогда, когда это наиболее удобно пользователю.

Интернет устранил или заметно снизил временные, пространственные и финансовые барьеры в распространении информации, создал собственные интегрированные информационные структуры. Естественно, это имеет огромное значение для образовательной системы, ведь информация – «среда обитания» всех образовательных программ.

Можно говорить о том, что потребности и возможности информационного общества позволяют сформировать принципиально новую образовательную среду. Информационно-образовательная среда представляет собой системно организованную совокупность средств передачи данных, информационных ресурсов, протоколов взаимодействия, аппаратно-программного и организационно-методического обеспечения, ориентированную на удовлетворение осознанных и интуитивных потребностей пользователей.

Статус дистанционного образования в нашей стране еще только определяется, однако мировой опыт подтверждает перспективность ДО. По словам Шейлы Мак-

говерн, аналитика из исследовательской компании International Data Corp. (IDC, <http://www.idc.com>), обучение с помощью современных технологий (объединяющее в основном подходы на базе Интернета) в 1998 г. занимало лишь 2 % всего рынка обучения информационным технологиям, но к 2003 г. его доля составит уже 14 %. Более того, согласно прогнозам этой исследовательской компании, оборот мирового рынка увеличится с 16 млрд дол. в 1998 г. до 27,8 млрд дол. в 2003 г. Дистанционное образование постепенно выходит за рамки обучения информационным технологиям. Все больше и больше предприятий выбирают дистанционное обучение как альтернативу традиционным методам специальной подготовки. Чаще всего к такого рода услугам прибегают в последнее время фирмы, работающие в области информационных технологий; организации, специализирующиеся на системной интеграции; компании, использующие технологию для задач управления кадрами и обучения навыкам торговли. По данным той же IDC, в США более 50% высших учебных заведений используют дистанционные онлайн-программы как составную часть образовательного процесса.

Мировой опыт показывает, что дистанционное образование может иметь целью как систематическое обучение (сертифицированная подготовка, повышение квалификации, переподготовка специалистов), так и открытое образование (повышение общеобразовательного и культурного уровня населения, популяризация научных знаний).

Как представляли ДО в России?

Несколько лет назад на одной конференции я встретила коллегу, который представился проректором по

дистанционному обучению. Я еще была полна «американских» впечатлений, поэтому с живым интересом стала расспрашивать его об этом новом и очень перспективном направлении работы. Однако мой энтузиазм мгновенно остудили искренним признанием о том, что речь идет о работе с заочниками, «просто дистанционное – звучит более современно и конъюнктурно; в конце концов заочники тоже находятся на некоторой дистанции от вуза!»

У нас зачастую дистанционное обучение определяют как обучение на расстоянии, когда преподаватель и обучаемый разделены пространственно и когда все или большая часть учебных процедур осуществляются с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий. Однако это представляется не совсем точным. Дистанционное обучение принципиально отличается от традиционного тем, что создает новую образовательную среду, в которую приходит студент, точно знающий, какие именно знания, умения и навыки ему нужны и как их получить наиболее эффективно. Отличительной особенностью ДО является предоставление обучаемым возможности самим получать требуемые знания, пользуясь развитыми информационными ресурсами (базы данных и знаний, компьютерные, в том числе мультимедиа, обучающие и контролирующие системы, видео- и аудиозаписи, электронные библиотеки, а также традиционные учебники и методические пособия).

Дистанционное обучение предполагает более интенсивное общение преподавателя и студента, чем при традиционной системе, в форме видео- и телевизионных лекций, круглых столов, компьютерных видео- и текстовых конференций, частых, вплоть до ежедневных, консультаций с преподавателем.

Таким образом, в отличие от различных форм заочного обучения, дистанционное образование обеспечивает, с одной стороны, эффективную оперативную обратную связь, заложенную в самом учебном материале, а с другой – непосредственную систематическую обратную связь с преподавателем по сети, а также возможность общения в сети с партнерами.

Дистанционное образование отличается от других форм обучения рядом характерных черт.

Гибкость. Студент имеет возможность работать в удобное для себя время в удобном месте и в удобном темпе, что представляет большое преимущество для тех, кто не может или не хочет прекратить свой обычный уклад жизни. За рубежом для зачисления на курс ДО от студента формально не требуется какого-либо образовательного ценза. Каждый может учиться столько, сколько ему лично нужно для освоения курса (предмета, дисциплины) и получения необходимых зачетов по выбранным курсам (модулям).

Модульность. Дистанционное образование строится на модульном принципе. Каждый отдельный курс создает целостное представление об определенной области знаний. Это позволяет из выбора независимых курсов-модулей формировать учебную программу, отвечающую индивидуальным или групповым потребностям.

Экономическая эффективность. Согласно оценке мировых образовательных систем дистанционное образование обходится в среднем на 50 % дешевле традиционных форм образования. Опыт отечественных негосударственных центров ДО показывает, что их затраты составляют примерно 60% затрат на подготовку специалистов по дневной форме.

Новая роль преподавателя. Преподаватель выступает как координатор познавательного процесса, корректор преподаваемого курса, консультант при составлении индивидуального учебного плана, руководитель учебных проектов. Он управляет учебными группами взаимоподдержки, помогает обучаемым в их профессиональном развитии. Асинхронное, как правило, взаимодействие курсанта и преподавателя предполагает обмен сообщениями путем их взаимной посылки по адресам корреспондентов. Это позволяет анализировать поступающую информацию и отвечать на нее в удобное для корреспондентов время.

Специализированные формы контроля. В качестве форм контроля используются дистанционно организованные экзамены, собеседования, практические, курсовые и проектные работы, экстернат, компьютерные интеллектуальные тестирующие системы.

Таким образом, дистанционное образование – это совокупность методов, форм и средств взаимодействия в процессе самостоятельного, но контролируемого освоения студентом определенного массива знаний.

Указанные особенности дистанционного образования выдвигают новые требования к участникам и организации образовательного процесса

Мой первый опыт учебы в Интернете

Мой первый опыт учебы в Интернете (на пилотном дистанционном курсе «Методика создания и преподавания дистанционных курсов») можно назвать успешным с большой долей условности. Энтузиазм и оптимизм быстро покидали меня, потому что уже на второй неделе обучения стало понятно – бывшая прилежная студент-

ка и достаточно ответственный преподаватель, уже имеющий примерно десятилетний опыт работы, элементарно НЕ СПРАВЛЯЕТСЯ с учебным планом. Это был удар по самолюбию и повод к саморефлексии. Правда, оказалось, что подобные проблемы испытывали практически все участники пилотного проекта.

Интернет представляет собой новую коммуникационную среду, которая порождает новые ситуации и новые отношения. Адаптация в этой среде требует определенного времени и связана с некоторыми проблемами.

Во-первых, специфика общения в Интернете определяется тем, что происходит смена ведущего сенсорного канала на визуальный. И как бы интенсивно ни происходило развитие средств мультимедиа, задействующих и другие каналы восприятия информации (аудиальный, кинестетический), визуальный канал еще долгое время останется доминирующим. Эту особенность нужно учитывать как создателям курсов, так и слушателям, особенно если они являются кинестетиками (бессознательно испытывают дефицит какой-то информации).

Во-вторых, общение участников дистанционных курсов по Интернету преимущественно в вербальной форме (когда они не могут видеть друг друга в реальной среде) позволяет им принять новые социальные роли. Этот фактор даже способствует эффективному общению, поскольку создает благоприятную психологическую среду для обучения и общения в сравнении с традиционной школой или классической студенческой аудиторией.

В целом можно выделить целый ряд типичных психолого-педагогических проблем, которые приходится решать преподавателю и слушателям курса ДО:

— создание благоприятного психологического климата при проведении обучения;

- трудности с установлением межличностных контактов между участниками процесса обучения;
- проблемы формирования эффективно работающих малых учебных групп при обучении в сотрудничестве;
- определение индивидуальных особенностей восприятия информации у слушателей и стилей обучения для более эффективной организации учебного процесса;
- повышение мотивации обучения;
- адекватность поведения самого преподавателя выбранным для дистанционного обучения методике и педагогической технологии.

Как правило, слушатели курсов дистанционного обучения время от времени испытывают потребность в общении с профессиональным психологом. Однако в системе дистанционного обучения «виртуальные кабинеты» психолога пока являются делом будущего.

Но как показал мой собственный опыт, все эти проблемы можно преодолеть (с помощью опытного преподавателя) при обязательном условии – студент точно должен знать, зачем он пришел на этот курс и что именно ему нужно получить, кроме новых впечатлений. Как правило, около двух третей студентов не доходят до финиша дистанционных курсов вследствие указанных причин.

Первые пилотные проекты дистанционных курсов свидетельствуют о том, что далеко не каждый преподаватель, работающий в сфере высшего образования, способен быть участником учебного процесса, организованного с использованием Интернета или других информационных и коммуникационных технологий. И дело даже не в том, умеет ли преподаватель пользоваться электронной почтой или поддерживать обсуждение на веб-форуме. Проблема кроется в другом – в естественной трансфор-

мации учебного процесса от традиционного, характерного более для очного обучения (со всеми присущими ему вербальными методами воздействия на студентов), к личностно-ориентированному, индивидуализированному, в большей степени учитывающему потребности обучающихся, однако реализуемому, как правило, посредством опосредованного (через разнообразные технические средства) общения.

При всей сложности работы с использованием дистанционных технологий обучения ни одно учреждение образования в России не занимается систематической подготовкой преподавателей для системы ДО. Существующие на данный момент курсы являются чаще всего курсами повышения квалификации, ориентированными в большей степени на преподавателей высших школ, а не вузов. Такие курсы в настоящее время проводят Федерация Интернет-образования (ФИО), Республиканский институт повышения квалификации работников образования (РИПКРО) и Институт общего среднего образования Российской академии образования (ИОСО РАО). За рубежом проблеме подготовки преподавателей для системы дистанционного обучения уделяется гораздо больше внимания. Так, в последние годы появились программы подготовки магистров по специальности «E-learning» и «On-line teaching». Для российского образования это пока проблемы недалекого (надеемся) будущего. Потребность в специальной подготовке преподавателей ДО не вызывает сомнений, поскольку сегодня сочетание необходимых общих и специальных знаний и умений в области новых информационных технологий (НИТ), Интернет-технологий, психологии и педагогики – достаточно редкое явление.

Полноценный проект онлайн-обучения состоит из нескольких обязательных компонентов: инструктивного блока, информационного блока (системы информационного наполнения ресурса), контрольного блока (механизма тестирования и оценки), коммуникативного блока (системы интерактивного преподавания) и управляющей системы, объединяющей все это воедино. Самая большая и типичная ошибка, которую допускают практически все начинающие работать в системе ДО, – простое переложение учебного материала в электронную форму и размещение в Интернете. Такой материал так же далек от полноценного дистанционного обучения, как чтение лекции по телефону.

Мой первый опыт преподавания в Интернете

Радость от победы в конкурсе заявок на создание курса дистанционного обучения улеглась, и я приступила к работе и даже успела ее закончить, прежде чем поняла, что совершаю именно ту «самую большую и типичную» ошибку – учебный материал добросовестно изложен в электронном виде. Что дальше? Как сделать его интересным, чем озадачить студента, чтобы он мог не только прочесть и понять его, но еще и применить на практике? Как общаться, когда не видно лиц и рук, не слышно ни безразличного гомона, ни заинтересованной тишины, нет перед тобой ухмылок, улыбок, интереса или безразличия в глазах? Был даже момент паники: «Этот экран – моя аудитория?!» Вспомнилось сакральное, из школьного детства: «Кому я все это говорю? Стенам? Где ваши глаза?» В этой ситуации мне, например, очень помогло программное обеспечение, которое используется для создания курсов дистанционного

обучения в рамках некоммерческой организации «Проект Гармония» (Project Harmony) – «Виртуальная среда обучения (BCO)» (Virtual Learning Environment).

Существует несколько программных пакетов для осуществления дистанционного обучения. Они принципиально мало отличаются друг от друга, поэтому проиллюстрирую их возможности на примере BCO – «Виртуальной среды обучения» версии 3.0 (Virtual Learning Environment – VLE v. 3). BCO представляет собой размещаемую в Интернете или локальной сети программную оболочку, включающую в себя весь необходимый инструментарий для дистанционного обучения (разработки, организации, управления и проведения курсов дистанционного обучения). BCO позволяет пользователям общаться при помощи компьютера с другими пользователями, поэтому ограничения по географии обучения на курсах дистанционного обучения практически не существует. Преподаватель курса и студенты образуют некоторое сообщество, в котором осуществляется обмен мыслями, ведется совместная работа по выполнению заданий, проходят обсуждения проблем или проектов.

Преимущество BCO состоит в том, что можно использовать некоторые функциональные возможности программы для создания смешанного курса на основе обычного учебного курса. Программный пакет BCO позволяет работать с курсом, даже если у преподавателя до этого не было опыта программирования в Интернете. Единственное, что требуется, – навыки пользования редактора Microsoft Word и просмотрной программы (веб-браузера). Кроме того, доступ программы организован через веб-браузер и защищен паролем.

BCO дает возможность преподавателю разрабатывать курсовой модуль «с нуля» или переводить существую-

щие учебные материалы в формат ВСО, управлять процессом обучения, разрабатывать механизмы оценки с тем, чтобы гарантировать адекватную успеваемость учащихся и соответствие курса их потребностям. Кроме того, программа допускает взаимодействие между преподавателем, администраторами и студентами в режиме реального времени и помогает преподавателю создавать учебные планы. Задействовав прочие функциональные области данного программного пакета, преподаватель может:

- формировать план заданий, доступ к которому имеют все участники;
- общаться с обучаемыми посредством электронной доски объявлений, электронной почты, дискуссионного клуба, совместного пользования файлами и функцией виртуального класса;
- разрабатывать тесты, оценочные задания;
- выполнять административные функции и контролировать успеваемость.

Разработка или составление курса происходит главным образом внутри программного компонента курсовых модулей. Организация данных модулей отражает общую направленность курса; в них содержится вся информация, необходимая для достижения учебных целей курса. В каждом модуле, как правило, указаны его задачи, программа модуля и список учебных материалов и занятий. В нем также могут содержаться справочные материалы по курсу, например, статьи, графика, звуковые и видео-файлы, ссылки на узлы в сети Интернет и т.д. Модуль может состоять из нескольких страниц текста, библиотеки, тестов, обзоров, оценок и дополнительных файлов.

Связь представляет собой самую важную составную часть программного пакета ВСО 3.0. Функция связи по-

звolyет участникам курса советоваться друг с другом и обсуждать темы и задания. Они имеют возможность рассылать документы, которые другие участники могут комментировать, создавая тем самым цепочку для обсуждения. Благодаря функциям связи участники задают вопросы преподавателю и другим обучаемым, что способствует закреплению усвоенного материала и более глубокому пониманию темы. Обсуждение может быть как открытым, так и закрытым. Функции связи замещают собой личное общение при обучении в обычном классе.

Оценочный компонент программы предназначен для разработки и использования тестов, призванных проверить успеваемость учащихся. Преподаватель также имеет возможность разрабатывать систему оценки и анализа обратной связи. Оценку можно использовать для определения эффективности курса. Отзывы учащихся о курсе помогают преподавателю улучшить материал и обеспечить его понимание и усваивание студентами. Преподаватель может получать оценочные данные и при помощи обзоров, что полезно в начале курса или для сбора информации по актуальным для курса темам.

Успешность дистанционного обучения во многом зависит от организации учебного материала. Если курс предназначен действительно для обучения, т.е. для взаимодействия преподавателя и обучаемого, то соответственно и требования к организации такого курса, принципы отбора и организации, структурирования материала будут определяться особенностями этого взаимодействия.

Дистанционное обучение представляет собой новейшую технологию обучения, несомненно, востребованную в современном обществе. Оно имеет определенные особенности.

1. В центре процесса обучения находится не преподаватель, вещающий истины, а самостоятельная познава-

тельная деятельность обучаемого (учение, а не преподавание).

2. Студент (обучаемый) имеет потребность в приобретении знаний (мотив) и навыков работы с различными источниками информации, а также физическую возможность работать с этой информацией в удобное время. Преподаватель может помочь обучаемому сформулировать свои мотивы и потребности, но если они отсутствуют – результат будет нулевым.

3. Самостоятельное приобретение знаний не носит пассивного характера (выучить, запомнить, записать), напротив, обучаемый с самого начала вовлечен в активную познавательную деятельность, предусматривающую применение новых знаний для решения практических задач.

4. Организация самостоятельной (индивидуальной или групповой) деятельности обучаемых в сети предполагает использование новейших педагогических технологий, адекватных специфике данной формы обучения, стимулирующих раскрытие внутренних резервов каждого студента и одновременно способствующих формированию социальных качеств личности. Наиболее удачны в этом отношении обучение в сотрудничестве (для активизации познавательной деятельности каждого ученика в сетях), метод проектов (для творческого интегрированного применения полученных знаний), исследовательские проблемные методы

5. Особое место занимает система контроля процесса обучения и оценки знаний. Основное требование – систематический контроль успехов каждого студента, который строится на оперативной обратной связи; используется также автоматический контроль (через системы тестирования) и отсроченный контроль (например, при очном тестировании)

Как из виртуальной аудитории вернуться в реальную?

Оказалось, что мой коллега – «проректор по дистанционному (заочному) обучению» – был не так уж далек от истины. Технологии дистанционного обучения с использованием Интернета неплохо зарекомендовали себя в работе со студентами, особенно заочного отделения (индивидуальные консультации, групповые проекты и Интернет-конференции). Однако неизбежно приходится сталкиваться с техническими и финансовыми ограничениями, характерными в целом для ДО (наличие у студента компьютеров дома или на рабочем месте, доступ в Интернет, качество и скорость связи, ее стоимость, необходимое программное обеспечение и пр.). Но мировая практика показывает, что эти трудности преодолимы, а преимущества с лихвой окупают затраты...

О дистанционном обучении см.:

1. Андреев А.А. Введение в дистанционное обучение: Учеб.-метод. пособие. М., 1997.
2. Концепция создания и развития единой системы дистанционного образования в России. М., 1995.
3. Полат Е.С. Дистанционное обучение: организационные и педагогические аспекты // ИНФО. 1996. № 3.
4. Дистанционное обучение: Учеб. пособие / Под ред. Е. С. Полат. М., 1998.
5. Леонов В.Г. Концептуальная модель дистанционного образования // Триместр. 1996. № 1.
6. Справка об итогах эксперимента в области дистанционного обучения и перспективах развития дистанционных образовательных технологий // <http://conf.sssu.ru/phorums/read.php?f=21&i=18&t=1>.
7. http://center.fio.ru/rcdo/ElizarovAA_do.htm.

Варианты организации дистанционного образования см.:

<http://scholar.urf.ac.ru:8002/courses/Technology/index.htm>.
<http://www.ido.ru>.

<http://www.edu.psu.ru/library/main.html>.

<http://www.sdo.tstu.ru/des01.html>.

<http://www-windows-1251.edu.yar.ru>.

<http://dlc.miem.edu.ru>.

<http://ido.tsu.ru>.

<http://vle.projectharmony.ru>.

«ВЫБОРЫ В РОССИИ И РОССИЙСКИЙ ВЫБОР» III ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНГРЕСС ПОЛИТОЛОГОВ

А. В. Баранов

28–29 апреля 2003 г. состоялся III Всероссийский конгресс политологов. Его основная тема – «Выборы в России и российский выбор». Организаторами конгресса выступили важнейшие научные центры страны: Российская ассоциация политической науки (РАПН), Ассоциация политической науки (АПН), Научный совет РАН по проблемам политологии и др. Конгресс прошел в стенах Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

На пленарном заседании прозвучали выступления авторитетных политологов: проф. Ф. М. Бурлацкого, акад. А. Д. Некипелова, чл.-кор. РАН Ю. С. Пивоварова, проф. С. В. Рогачева, проф. В. В. Смирнова. С приветствиями к собравшимся обратились президент Российской ассоциации международных исследований, ректор МГИМО (У) проф. А. В. Торкунов; президент Российского общества социологов, проф. В. А. Мансуров; президент Российского философского общества В. С. Степин.

Состоялись межсессионные дискуссии: «Политический выбор России. Сделан? Отменен? Отсрочен?» (ведущие – А. Ю. Мель-

виль и Л. В. Сморгунув); «Россия и глобальный мир: новые повороты исторического сюжета» (ведущий – А. И. Никитин); «Политическое сообщество в России: миф или реальность?» (ведущие – Т. А. Алексеева и С. И. Барзилов).

Заседания конгресса проходили в 22 секциях, где обсуждались актуальные темы: «Гражданское общество в России: проблемы становления и перспективы развития»; «Партии, власть, выборы»; «Методология анализа политической аргументации»; «Национальная идея для России»; «Гендерные исследования политики», «Политическое образование в России: отечественные традиции и направления мирового развития»; «Дискурс – анализ политических процессов»; «Новые механизмы международной безопасности и разрешение конфликтов»; «Публичная политика»; «Этнополитическое пространство в России»; «Теоретические и прикладные исследования в политической психологии»; «Политические элиты перед вызовами XXI века»; «Политическая саморегуляция российского общества и принятие решений»; «Политические коммуникации»; «Интернет и политика»; «Политическое управление и политические институты», «Политическая регионалистика» и др.

В работе конгресса приняла участие и выступила с сообщениями многочисленная делегация КубГУ, в том числе проф. В. М. Юрченко, З. И. Рябикина, Е. В. Морозова, А. В. Баранов, С. А. Морозов, доц. Е. В. Савва. Кроме того, подали тезисы сообщений 7 политологов КубГУ.

На конгрессе состоялась встреча ведущих политологов страны с руководством ВАКа и экспертного совета по политологии Министерства образования РФ. Речь шла о повышении требований к уровню диссертаций и учебно-

го процесса, о предстоящем введении нового Государственного стандарта по специальности «Политология».

Материалы конгресса будут опубликованы отдельным томом, а также в виде стенограммы наиболее интересных докладов в ведущих научных журналах.

Дополнительно информацию о дискуссиях на конгрессе можно получить у его участников, а также на сайтах РАПН (www.rapn.ru) и журнала «Политические исследования / Полис» (www.politstudies.ru).

CONTENT

UNIVERSE OF PERSONALITY

Kukosyan O. G. Celebration of A. A. Bodalev

Bodalev A. V.N. Myassischev on Personality and Relations

LOCAL COMMUNITIES

Lapteva L. On Researching Traditional Institutions of Self-Government

Filippov Yu., Penyugalova A

Composing and Analyzing Databases for Local Communities

PUBLIC ADMINISTRATION

Shpak V. and Kolomiytsev A. Resources for Political Leadership in Post-Soviet Russia

Kutsenko A. Max Weber on the Meanings of Political Competition

SOCIOLOGICAL INTERPRETATIONS

Romanov P. Management in Social Services

Petrova A. Sociology of Internet: Constituting an Intra-Disciplinary Discourse

DIDACTICS

Samarkina I. Teaching distantly: a view from within

SUMMARY

V.N. Myasishev on personality and relations *by Alexei Bodalev* presents the contribution by a classic of world and Russian psychology into scientific study of human personality.

On researching traditional institutions of self-administration *by Lyudmila Lapteva* compares several theoretical approaches in juridical anthropology to the subject; adequacy of dominating juridical pluralism is suggested.

Composing and analyzing databases for local communities *by Yuri Filippov and Alexandra Penyugalova* treats local statistics as a base for decision making by different social subjects using information; structure and content of databases are discussed, as well as approaches and algorithms of their forming for particular problem. Basic parameters of local communities social-economic development are proposed.

Resources for political leadership in post-Soviet Russia *by Viktor Shpak and Alexei Kolomyitsev* tells on configurations of personal, institutional and PR-resources which revealed during 3 politically defined stages (1991–1996, 1996–1999, since 1999) of Post-Soviet Russian history.

Max Weber on the meanings of political competition *by Alexei Kutsenko* overviews M. Weber's understanding key notions of political sociology such as political conflict and competition, democracy, bureaucracy, peoples' representation etc. in comparison with doctrines of classic liberalism and Marxism. Actuality of Weberian elitist notion is suggested.

Management in social services *by Pavel Romanov* focuses on peculiarities of manager labor in social work and approaches to their conceptualization. Beginning of bureaucracy stabilization in social services in Russia is argued. Special features of their organizational culture are illustrated: stigmatizing discourse, «homeness», obstacles in the way of professionalizing the branch.

Sociology of Internet: constituting an intra-disciplinary discourse *by Alexandra Petrova* reveals the order of «inner distinctions» – virtual-real; written-oral; freedom-control; public-private, confidence-fraud, with their interpretations.

Teaching distantly: a view from within *by Irina Samarkina* focuses on merits and limitations of distant teaching and learning as well as on psychological and didactical issues problems related to them.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Андрей Владимирович – д-р ист. наук, проф. кафедры политологии и политического управления КубГУ.

Бодалев Алексей Александрович – д-р психол. наук, проф., академик РАО.

Коломийцев Алексей Алексеевич – канд. полит. наук, начальник управления делами, руководитель аппарата администрации Староминского района Краснодарского края.

Кукосян Ованес Гайкович – д-р психол. наук, проф. кафедры социальной психологии и социологии управления КубГУ.

Куценко Алексей Геннадьевич – аспирант кафедры политической теории МГИМО (У) МИД РФ.

Лаптева Людмила Евгеньевна – д-р юр. наук, проф., старший научный сотрудник Института государства и права РАН.

Пенюгалова Александра Васильевна – канд. геогр. наук, доц. кафедры экономического анализа, финансов и статистики КубГУ.

Петрова Александра Анатольевна – аспирант Института социологии РАН.

Романов Павел Васильевич – д-р социол. наук, проф. кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета

Самаркина Ирина Владимировна – канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и политического управления, директор Южного центра образования, науки и культуры США КубГУ.

Филиппов Юрий Васильевич – канд. экон. наук, проф., заведующий кафедрой государственного и муниципального управления КубГУ.

Шнак Виктор Юрьевич – д-р филос. наук, проф., заведующий кафедрой политических институтов и процессов Ростовского государственного университета.

Уважаемые авторы!

Журнал «Человек. Сообщество. Управление» публикует статьи по теории и практике государственного и муниципального управления, прикладной политологии и социологии, общей и социальной психологии, проблемам социальной работы и управленческого консультирования; учебно-методические материалы для преподавателей социальных и гуманитарных дисциплин; информацию о научных конференциях, школах и семинарах.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редакционного совета и редколлегии.

Объем направляемых в журнал рукописей не должен превышать одного авторского листа (40 тыс. знаков, включая пробелы). Текст представляется в электронном и в распечатанном виде; бумажная копия должна быть заверена подписью автора. Таблицы, схемы и рисунки рекомендуется представлять отдельными файлами в формате А5.

Библиографический список дается по алфавиту в конце текста; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках. Текстовые примечания приводятся на той странице, где дается ссылка.

К рукописи необходимо приложить аннотацию (10 строк) на русском и, желательно, английском языках. В авторской справке указываются: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, контактные данные (почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты).

Выплата гонораров за публикации не предусматривается.

Адрес редакции: 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149, КубГУ, редакция.

Тел.: (8612) 6995646 699563 e-mail: journal@kubsu.ru

Подписной индекс 81789 в Каталоге газет и журналов (Краснодарский региональный выпуск).